

Где и когда собирал дань новгородец Савва?*

**Павел Владимирович
Петрухин**

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
Москва, Россия

Where and When did the Novgorodian Savva Gather the Tribute?

Pavel V. Petrukhin

Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

Статья содержит исторический и лингвистический комментарий к новгородской берестяной грамоте № 724. В статье [Петрухин 2009] была подвергнута критике устоявшаяся трактовка этой известнейшей грамоты, принадлежащая В. Л. Янину и А. А. Зализняку (НГБ X; ДНД₂). В настоящей статье развиваются и дополнительно аргументируются идеи, высказанные в [Петрухин 2009], и предлагается альтернативная интерпретация документа. Пересмотру подвергнуты основные положения трактовки В. Л. Янина и А. А. Зализняка. Согласно последней, в грамоте упоминаются новгородский посадник Захария и суздальский князь Андрей Боголюбский, описываемые события разворачиваются на отдаленных северных окраинах Новгородского государства, сама грамота датируется 1161–1167 гг., а состояние

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Цитирование: Петрухин П. В. Где и когда собирал дань новгородец Савва? // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 1. С. 55–108.

Citation: Petrukhin P. V. (2019) Where and When did the Novgorodian Savva Gather the Tribute? *Slověne*, Vol. 8, № 1, p. 55–108.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.1.3

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

редуцированных гласных в ней является «переходным», отражая незавершившийся процесс падения и прояснения редуцированных. Согласно анализу, представленному в настоящей статье, в грамоте не упоминаются исторические лица, события происходят в южных пределах новгородской территории (на землях, принадлежащих новгородскому князю), грамота датируется началом XIII в., а ее язык — позднерусский (с эффектом скандирования в приписке к грамоте). Также в статье подробно разбираются критические замечания А. А. Гиппиуса [2015] и А. А. Зализняка (НГБ XII) в отношении [Петрухин 2009].

Ключевые слова

берестяные грамоты, история Новгорода, древнерусский язык, падение и прояснение редуцированных

Abstract

The article contains historical and linguistic commentary to the Novgorod birch-bark letter #724. In [Петрухин 2009] the author criticized the long-established interpretation of this well-known document offered by Valentin Yanin and Andrey Zaliznyak (НГБ X; ДНД₂). The present paper develops the ideas expressed in [Петрухин 2009], supports them with new arguments and puts forward an alternative interpretation of the document. The main theses of the interpretation of Yanin and Zaliznyak have been revised. According to them, the birch-bark letter mentions the Novgorod posadnik Zakhariya and the Suzdal prince Andrey Bogolyubsky, the events mentioned happen in the remote northern parts of the Novgorod state, the letter dates from 1161–1167, and the situation with the reduced vowels is considered “transitional”, i.e., one reflecting the process of the fall and vocalization of the reduced vowels in progress. In the present article the author argues that no historical persons are mentioned in the letter, the situation takes place in the southern parts of the Novgorod territory (on the land belonging to Novgorod princes), the document dates from the early 13th century and its language is “late Old Russian” (with the chanting effect in the postscript to the letter). The article also provides a detailed analysis of the critical remarks of Gippius and Zaliznjak with respect to [Петрухин 2009].

Keywords

birch-bark letters, the history of Novgorod, Old Russian language, the fall and vocalization of the reduced vowels

0. Вводные замечания

Грамота № 724 заметно выделяется среди текстов на бересте и вообще в древнерусской письменности. В отличие от большинства берестяных грамот, это не хозяйственная запись и не короткое письмо личного характера, а целый эпизод из жизни новгородского сборщика дани, рассказанный от первого лица и исполненный драматизма. В противовес

книжным нарративам, рассказ этот написан не на церковнославянском (хотя бы и гибридном, как в летописях), а на живом древнерусском языке. Найденная в 1990 г., грамота давно вошла в хрестоматии, практически ни одно крупное исследование о средневековом Новгороде или древнерусском языке домонгольской поры не обходится без ее упоминания.

В [Петрухин 2009] обсуждается ряд слабых мест и противоречий в комментарии, которым снабдили грамоту ее издатели В. Л. Янин и А. А. Зализняк, и предложено новое прочтение, на мой взгляд, не только устраняющее недостатки предыдущей трактовки, но и значительно проясняющее ситуацию грамоты. В [НГБ XII: 258–268] опубликован ответ А. А. Гиппиуса и А. А. Зализняка на эту работу. Его первая часть, написанная Гиппиусом, касается в основном перевода и исторической трактовки¹, вторая часть принадлежит Зализняку и посвящена состоянию редуцированных гласных и палеографии грамоты. В свете высказанных в [Петрухин 2009] соображений оба исследователя подвергли первоначальную трактовку грамоты существенному пересмотру, однако не согласились с основными выводами моей статьи. В настоящей статье я постараюсь ответить на критические замечания А. А. Гиппиуса и А. А. Зализняка, а также рассмотреть некоторые аспекты проблемы, не затронутые или не получившие достаточно полного освещения в [Петрухин 2009].

В соответствии с названием статьи (а также порядком рассмотрения связанных с грамотой проблем в [НГБ XII: 258–268]), ее можно условно разделить на две части: первая (разделы 1–5) в основном посвящена вопросу «где», вторая (раздел 6) — вопросу «когда». Первый вопрос обращен в первую очередь к содержанию грамоты, ее переводу и исторической интерпретации, поэтому в первой части статьи излагается трактовка грамоты по В. Л. Янину и А. А. Зализняку (раздел 1), обсуждается поправка к переводу Янина и Зализняка, предложенная в [Петрухин 2009] (раздел 2.1), и возражения А. А. Гиппиуса против этой поправки (раздел 3), здесь же приводится поправка к переводу Янина и Зализняка, предложенная Анной Журавель в ходе обсуждения предварительной версии данной статьи (раздел 2.2), в разделе 4 обсуждаются различные варианты исторической интерпретации текста, в разделе 5 — непосредственно вопрос о географической локализации описываемых в грамоте событий. Вопрос «когда» требует внимательного разбора языковых особенностей текста, и в первую очередь — употребления редуцированных (раздел 6.3); также здесь кратко рассматривается вопрос

---

¹ Предварительно тот же (за исключением небольших различий) текст был опубликован в журнале «Словѣне» [Гиппиус 2015].

о стратиграфической датировке грамоты (раздел 6.1) и данных палеографии (раздел 6.2). Основные выводы работы изложены в заключительном разделе (7).

1. Текст грамоты и перевод В. Л. Янина и А. А. Зализняка

Грамота состоит из основного текста на внешней стороне бересты и приписки на обороте. Ниже приводится текст грамоты с переводом по [ДНД₂: 350–351].

Ѡ савѣ поклананѣе кѣ братѣи и дрѣжинѣ остаѣ
 вили ма бѣили людѣе да остатѣ дани испраѣ
 вити бѣило имѣ досени а по первомѣ пѣти
 послати и отѣбѣити прочѣ · и заславѣ захаѣ
 рѣа вѣ в[ѣ]рѣ ѣроклѣ не даите савѣ ни одиноѣ
 го песца хотѣ на нихѣ емѣти самѣ вѣ томѣ
 а вѣ [т]омѣ ми са не исправилѣ вѣ борзѣ ни
 кѣ вамѣ ни [т]ѣ ти бѣлѣ а вѣ томѣ емѣе осталѣ
 по томѣ пришли смерди Ѡ андрѣа мѣжѣ приѣ
 али и данѣ Ѡали людѣе · и осѣмь вѣсагла
 что о тѣдоре порозѣмѣите братѣе емѣ даѣ
 че что вѣ с[ѣ] (-)емѣе сѣстане тѣгота тамѣ
 и сѣ дрѣжиною егѣ ·

а сѣ[л]сѣуаномѣ своемѣ кѣ[н]ѣз[ѣ] самѣ отѣ [в]олокѣ [и]
 отѣ [м]ѣс[т]ѣ ѣчастокѣ водалѣ а[ѣ] ли ти брат[ѣ]ѣ
 винѣ а[ѣ]дѣе на ма не ищѣ[тѣ] а до[вѣд]ѣок[а] бѣд[ѣ]
 то же нѣинеца радѣ бѣхѣ послалѣ [грам]ѣ[тѣ]

‘От Саввы поклон братьям и дружине. Покинули меня люди; а надлежало им остаток дани собрать до осени, по первопутку послать и отбыть прочь. А Захарья, прислав [человека, через него] клятвенно заявил: «Не давайте Савве ни единого песца с них собрать. [Я] сам за это отвечаю (или: [Он] сам за это взялся, т. е. он самозванец)». А со мною по этому поводу сразу вслед за тем не рассчитался и не побывал ни у вас, ни здесь. Поэтому я остался. Потом пришли смерды, от Андрея мужа приняли, и [его] люди отняли дань. А восемь [человек], что под началом Тудора, вырвались (или: вышли из повиновения). Отнесите же с пониманием, братья, к нему, если там из-за этого приключится тягота ему и дружине его’.

А сельчанам своим князь сам от Волока и от Мсты (т. е. примыкающие к ним [?]) участки дал. Если же, братья, вины люди на мне не ищут и будет дознание, то я сейчас с радостью послал бы грамоту’.

Издатели отождествили персонажей грамоты с рядом исторических лиц, а именно: Захарию — с новгородским посадником, занимавшим должность с 1161 по 1167 г., упомянутого в приписке князя — со Святославом Ростиславичем, тогда же княжившим в Новгороде, Андрея — с суздальским князем Андреем Боголюбским, а «принятого» смердами «мужа» — с его сыном Мстиславом [НГБ X: 24–25].

В общих чертах ситуация видится В. Л. Янину и А. А. Зализняку следующей. Савва — сборщик дани, находящийся «где-то на севере новгородских владений» [НГБ X: 24], со ссылкой на Уставную грамоту князя Святослава Ольговича 1137 г. Янин предложил видеть в нем «онежского домажирича»: «...он не возглавляет подвижный отряд сборщиков, а пребывает в каком-то постоянном месте» [Ibid.], куда «люди» доставляют собранную дань. По какой-то причине «люди», которым надлежало собрать остаток дани, этого не сделали. Кроме того, посадник Захария через своего посланца запретил платить дань Савве². В этих обстоятельствах местные смерды обратились к представителю соседнего княжества, «мужу» Андрея Боголюбского, и сопровождавшие того дружинники отняли у Саввы дань. В целом грамота трактуется издателями «как свидетельство одного из эпизодов новгородско-суздальского конфликта из-за северных даней» [Ibid.: 25].

2. Поправки к переводу

2.1. Поправка, предложенная в [Петрухин 2009]

Проблема изложенного выше толкования грамоты в том, что, фокусируясь на историческом аспекте, оно упускает из виду прагматику текста. Письмо Саввы «к братии и дружине» (основной текст) заканчивается просьбой *порозоумѣти* Тудору и его отряду, т. е., по Зализняку, «отнестись с пониманием» — очевидно, ввиду грозящего «восьмерке» Тудора наказания. Как справедливо заметил В. Л. Янин [1998а: 491], «когда скоро этот отряд возвращается с пустыми руками и без Саввы, Тудора могут ожидать подозрения и неприятности. Письмо Саввы оправдывает его». Однако из прочтения издателей неясно, что же собственно случилось с отрядом Тудора. А. А. Зализняк совершенно верно, на наш взгляд, переводит фразу *и осмыъ высагла что о тѣдоре* как «А восемь [человек], что под началом Тудора, вырвались», однако непонятно, откуда они вырвались. Отметим и странное упоминание о том, что **и м е н н о** отнял дань: переводя фразу *и дане ѡшли людье*, издателям

² Точнее говоря, по мнению Янина и Зализняка, именно распоряжение Захарии послужило «поводом для отказа от уплаты дани» [НГБ X: 24], однако события в грамоте изложены в строгой временной последовательности, и в данном случае ясно сказано, что распоряжение Захарии пришло уже после того, как Савву «оставили» «люди».

пришлось дополнить сообщение Саввы вставкой в квадратных скобках: «и [его] люди отняли дань». Эта недосказанность вызывает недоумение: Савва вроде бы объясняет братии и дружине, что произошло, но при этом оставляет лакуны в ключевых пунктах рассказа.

В [Петрухин 2009] предложена поправка к переводу грамоты, устраняющая перечисленные проблемы. Поправка касается фрагмента по *томы* пришли смерди ѿ андрѣа мѡжь приаи и дане ѡали людѣ. Дело в том, что глагол *прияти/приимати* наряду с ‘принять/принимать’ имел значение ‘арестовать’, хорошо засвидетельствованное в ранней восточнославянской письменности, ср.:

И разгнѣвася Всеволодѣ, и прия слы вся и епископа и гостѣ ‘И разгневался Всеволод, и арестовал всех послов, епископа и купцов’ [НПЛ, 1141 г., л. 22]; *А про послы, княже, и про купци про новгородские по твоей земли, техъ ти не приимати* ‘А что касается пребывающих на твоей земле новгородских послов и купцов, то тебе, князь, их не задерживать’ [ГВНП, № 19, с. 36]; дальнейшие примеры см. [Петрухин 2009: 116–118]³.

Если допустить, что в грамоте № 724 глагол *прияти* выступает в том же значении, а словоформа *мѡжь* представляет собой не В. = И. ед., а В. = Р. мн., то фрагмент получает перевод: ‘Потом пришли смерды от Андрея, задержали мужей и отняли дань’.

Предложенное чтение лишено отмеченных выше странных «недомолвок». Прежде всего, понятно, что произошло с восьмеркой Тудора: в то время как часть дружинников Саввы была арестована⁴, этой восьмерке удалось «вырваться» (бежать). Понятно, и кто отнял дань: это те же смерды, посланные Андреем (тут нет нужды предполагать немаркированную смену подлежащего).

Этим не ограничиваются преимущества нового прочтения фрагмента. Рассмотрим фразу по *томы* пришли смерди. Согласно переводу

³ Красноречивое свидетельство об интересующем нас значении *прияти* находим в параллельных летописных рассказах об аресте новгородцами князя Святослава Всеволодовича в 1210 г. В Летописце Переяславля Суздальского сказано: *а Святослава прияша, сына великого князя Всеволода* [ПСРЛ, 38, л. 538], Новгородская первая летопись уточняет: *а Святослава посадиша въ владыцни дворѣ и съ мужи его, донеле будетъ управа съ отцемъ* [НПЛ, л. 76]. Сюда же относится пример из «Девгениева деяния», на который мне любезно указала А. А. Пичхадзе: *Рече же Василии царь [послу Девгения]: «Да кую дерзость имаша, аще противу моего царству не дасть ми покорения». И нарядив посла своего, и посла за реку, а Девгениева прият* [Кузьмина 1962: 155].

⁴ Т. е., по-видимому, дружинники были разоружены и взяты под стражу. Вообще говоря, очевидно, что прежде чем отобрать дань у дружинников, их нужно сначала тем или иным образом «обезвредить», ср.: *Того же лѣта заратишася устьюжане с новгородци, изымаша новгородцевъ, кто ходилъ на Юргу, и ограбиша ихъ* [НПЛ, 1323 г., л. 163], т. е. сначала схватили («изымаша»), а потом уже ограбили.

издателей, новгородские смерды обратились к представителю Андрея Боголюбского по собственной инициативе, что как минимум нетипично для Руси XII века. Далее, неясно, что это за смерды, откуда и куда они «пришли». Обычно, если в рассказе от 1-го лица (каковым является письмо Саввы) сообщается нечто вроде «потом пришел N» (без уточнения, к кому пришел), имеется в виду: пришел ко мне (рассказчику). Но здесь получается иначе: смерды приходят не к Савве, а к «мужу» Андрея, а уж затем люди этого «мужа» приходят к Савве и отбирают дань. Новая интерпретация устраняет и эти вопросы: 1) смерды действуют не по своему разумению, а по приказу Андрея, каковой, кем бы он ни был (см. ниже), очевидно, обладал достаточной властью и силой в местах, где разворачивались события⁵; 2) это не какие-то непонятные «смерды», а именно смерды Андрея, который несомненно был известен адресатам Саввы; 3) смерды приходят к Савве и находящимся при нем дружинникам. Таким образом, на мой взгляд, новое прочтение возвращает рассматриваемому фрагменту логику и последовательность, свойственные письму Саввы в целом.

Лингвистическое преимущество нового прочтения фрагмента в том, что оборот «прийти (приехать) от кого-либо» (по томъ пришли смерди ѿ андрѣа) в значении 'прийти по поручению (с полномочиями от) определенного лица' многократно встречается в древнерусской письменности, ср.:

В се же время приключиса прити ѿ Стѣслава дань кмлющую. И ѿневи сѣиу Вѣнцатину [Лавр., 1071 г., л. 59]; по сем же Итвалѣзъ прислаша. послѣи своа к Володимирови. тако рекоуче. ꙗко не княже Володимере. приѣхали есма к тобѣ. ѿто всихъ Итвалѣзъ [Ипат., 1279 г., л. 292]; Того же лѣта приѣха Федоръ Ржевъскыи в Новгород от князя Юрья с Москвы [НПЛ, 1314 г., л. 158]⁶.

Напротив, формула «принять кого-либо от кого-либо» (ѿ андрѣа мѡжъ приаши) в том (весьма неопределенном) правовом значении, которое предполагают здесь издатели, насколько мне известно, в памятниках не засвидетельствована.

Серьезным недостатком предложенного мной чтения А. А. Гиппиус считает «синтаксически избыточное» слово *людье*. В [Петрухин 2009:

⁵ Поэтому я не могу согласиться с тем, что моя трактовка предполагает неправдоподобно высокую степень самоорганизации смердов, ср. [НГБ XII: 260]. Такую самоорганизацию подразумевает как раз трактовка издателей, в целом отстаиваемая А. А. Гиппиусом, в моем же понимании смерды действуют от имени и по поручению Андрея.

⁶ В этом значении конструкция сохранилась и поныне, ср.: «За профессором Ворониным пришли вечером. Хмурые, сосредоточенные, как и положено тем, кто представляет большую силу. Кто не от себя пришел» (Е. Г. Водозакин, «Авиатор»).

120] отмечено, что оно дублирует подлежащее *смерди* (о синонимии слов *людие* и *смырди* ср. [Свердлов 1983: 138]) и что повтор может быть связан с двухчастной структурой фразы: сначала сообщается о приходе смердов, а затем о том, что они сделали. Возражая против этого объяснения, А. А. Гиппиус указал, что «такая же смысловая “двухчастность” характеризует множество летописных контекстов с однородными сказуемыми, в которых никакого повтора подлежащего нет; параллелей же, которые бы подтверждали такое объяснение, П. В. Петрухин не привел» [НГБ XII: 261]. Однако Савва не летописец, а его грамота — отнюдь не летописный нарратив. Избегание повторов — часть риторической стратегии, требующей от пишущего соответствующей выучки, подобных навыков естественно ожидать от искушенного в книжном деле летописца, но не от сборщика дани. В любом случае, думаю, что стилистические нюансы здесь второстепенны по сравнению с другим обстоятельством: для Саввы как для сборщика дани было очень важно подчеркнуть, в чьих именно руках оказалась дань (что это те же самые смерды (= «люди»), пришедшие от Андрея). В берестяных грамотах встречаются повторы, вызванные желанием подчеркнуть важную информацию. Так, автор грамоты № 558 (←1180–1200)⁷, назначая иконописцу Гречину время и место, куда тот должен доставить заказанные ему иконы, дважды повторил слово *семо* ‘сюда’: *ѿ попа ѿ минь ко грыциноу а боуди семо ко петровоу дени съ икоунами семо* [ДНД₂: 407].

Новое прочтение фрагмента предполагает, что словоформа *мѣжь* — не В. = И. ед., а В. = Р. мн. Для времени, которым датировали грамоту Янин и Зализняк (1161–1167 гг.), имеется лишь один пример В. = Р. мн. в берестяной грамоте из Старой Руссы № 10 (←1160–1180→) [Крысько 1994: 104–106; ДНД₂: 448]. Однако датировка издателей в свою очередь базируется на гипотезе о том, что в грамоте упомянуты Андрей Боголюбский и посадник Захария. В случае же отказа от этой гипотезы временной отрезок, к которому может принадлежать грамота, значительно расширяется, одновременно сдвигаясь вправо по хронологической оси (см. ниже). А здесь мы находим уже другую картину. Так, уже на рубеже XII–XIII вв. распространение грамматической категории одушевленности на существительные м. рода во мн. числе засвидетельствовано рядом надежных примеров, в частности, в грамоте № 531 нач. XIII в. [ДНД₂: 416], в первом почерке НПЛ (около 1234 г. [Гимон, Гиппиус 1999]) и в других текстах [Крысько 1994: 106–107; ИГДРЯ I: 202–205]. Тем самым предложенное прочтение не противоречит хронологии развития категории одушевленности в древнерусском языке.

⁷ Здесь и далее для краткости приводятся условные даты грамот, указанные на веб-сайте www.gramoty.ru. Стрелки означают вероятное смещение датировки назад или вперед.

Примечательно, что фраза *мѡжъ приаши* ‘арестовали мужей’ аналогична большинству ранних примеров В. = Р. мн. Согласно А. Тимберлейку [1996; Timberlake 1997], в период становления категории одушевленности у существительных выбор между В. = И. и В. = Р. зависел от референциального статуса объекта, а именно: для конкретно-референтных объектов характерен В. = Р., тогда как родовые объекты чаще выступают в форме В. = И.⁸ Кроме того, как отмечает Тимберлейк, «примеры относительно раннего употребления В. = Р. от существительных м. рода во мн. числе, которые приводит Крысько, тяготеют к семантически ограниченной группе глаголов — либо к глаголам перемещения (*сѡгони-ти*), либо к глаголам насильственного изменения состояния (*избити*)» [Крысько 1994: 106–107]. Оба эти типа глаголов сообщают, как правило, о результатах воздействия на уже существующее множество предметов или лиц, а не о создании ситуации» [Тимберлейк 1996: 13]. Очевидно, что и в грамоте № 724 мы имеем дело с «насильственным изменением состояния», которому подверглось известное множество лиц. Тем самым, если моя интерпретация верна, фраза *мѡжъ приаши* ‘арестовали мужей’ пополняет список типичных ранних примеров распространения категории одушевленности среди существительных в мн. ч.

2.2. Поправка А. Журавель

В ходе обсуждения предварительной версии настоящей статьи Анна Журавель предложила еще одну важную поправку к переводу грамоты, а именно следующего фрагмента: *и заславъ захарѣа въ вѣре ѡрокъ не дайте савѣ ни единого песка хотѣ на нихъ емати самъ въ томъ*.

В [ДНД₂: 350] фрагмент переведен так: ‘А Захарья, прислав [человека, через него] клятвенно заявил: «Не давайте Савве ни единого песка с них собрать. [Я] сам за это отвечаю (или: [Он] сам за это взялся, т. е. он самозванец)»’. Этот перевод проблематичен во многих отношениях. Прежде всего нельзя не обратить внимание на одну странность в «послании» Захарии: неясно, к кому оно обращено. Кто должен был не позволить Савве собирать дань? По логике вещей, распоряжение не платить дань такому-то должно быть адресовано самим плательщикам дани, однако последние упомянуты в третьем лице — «на нихъ». Кто

⁸ Эту разницу удобно проиллюстрировать как раз на примере фразы *мѡжъ приаши*. В версии Янина и Зализняка форма *моужь* указывает на родовой объект (некий представитель Андрея Боголюбского, неважно, кто именно), соответственно, здесь вполне ожидаем В. = И. ед. В предлагаемом мной чтении имеется в виду конкретно-референтный объект (дружинники под началом Саввы, известные не только ему самому, но и — едва ли не поименно, ср. упоминание Тудора и «тех, что с ним» — его адресатам), отсюда тут вполне закономерен В. = Р. мн. Компактное изложение концепции А. Тимберлейка, а также расширенный материал см.: [Живов 2017: 770–777].

же тогда адресаты Захарии? Очевидно, что это не «братия и дружина», иначе Савва не сообщал бы об этом в письме к ним же. Это также не «людые», «оставившие» Савву, так как из текста определенно следует, что те сделали свой выбор до распоряжения Захарии. Может быть, Захария обратился к местным администраторам? Но таковым является сам Савва. Таким образом, вопрос остается без ответа.

Далее, согласно Зализняку, во фрагменте *ни одного песца хотя* «мы имеем дело с наложением отрицания на сочетание *одинъ хотя* (= *хотѧ одинъ*) ‘хоть один’» [ДНД₂: 354], т. е. с конструкцией, которую буквально можно перевести как «ни хоть одного песца». Однако Зализняк не привел других примеров подобного наложения. Усилительная частица *хотя* всегда стоит непосредственно перед словом, к которому относится. Следовательно, даже если бы отрицательная конструкция подобного типа была возможна, ожидалось бы *ни хотѧ одного песца*, ср.:

Подобають [...] причащатисѧ [...] хотѧ единою лѣтомъ (Златоуст, XIV в.), цит. по: [Срезн., III: 1393], там же другие подобные примеры;

*Да будет что по их переписке у Соли на посаде и в Усольском уезде объявитца в прописке хотѧ один двор или один человек, и государь указал помесѧ его Павловы и вотчины роздать в роздачу безповоротно (1646); чтобъ государь изволилъ для монастырскихъ промысловъ хотѧ едину тое рѣку Порусью свободну учинить (1662)*⁹.

В качестве аналога синтаксической последовательности *ни одного песца хотѧ* А. А. Зализняк [ДНД₂: 354] привел пример: *а гдѣ бѣде хотѧ посла⁷ на наше лихо, а тамо ти ѿслати* (ДДГ, № 19, 1402 г., с. 53), однако здесь представлено иное употребление частицы *хотя* (согласно Зализняку, *гдѣ хотѧ* = ‘где бы ни’, ‘куда бы ни’), подчиняющееся иным синтаксическим правилам¹⁰.

Для фразы *самъ въ томъ* предложено два перевода: «[Я] сам за это отвечаю (или: [Он] сам за это взялся, т. е. он самозванец)». Второй вариант неслучайно дан в скобках как менее правдоподобный. Он проигрывает первому по двум причинам: 1) местоимение *самъ* хорошо известно в древнерусском языке как средство указания на лицо, являющееся источником или объектом действия (ср. в той же грамоте № 724:

⁹ Примеры из Старорусского подкорпуса Национального корпуса русского языка (http://ruscorpora.ru/search-mid_rus.html; дата последнего обращения: 06.10.2018).

¹⁰ По-видимому, к таким употреблениям восходит характерный для деловой письменности сложный условный союз *буде(т) хотя*, ср.: *будет хотя вскоре города не возьмутца, и государю в их земле веновати* (1512–1598); *а буде хотя нѣтъ другова, и вамъ бы прислати и одинъ станъ для образца* (1665) (примеры из Старорусского подкорпуса Национального корпуса русского языка (http://ruscorpora.ru/search-mid_rus.html; дата последнего обращения: 06.10.2018)).

къ[н]аэ[ь] самъ ... 8частокѣ водале), но, насколько можно судить, нигде не встречается в значении 'быть самозванцем'; 2) выражение *быти въ чемъ* в значении 'нести ответственность за что-либо' представлено в целом ряде берестяных грамот (ср. [ДНД₂: 162; НГБ XII: 175]), во втором же варианте предполагается как минимум нестандартный оборот. Однако и первый вариант вызывает вопросы: во всех трех случаях, где оборот *быти въ чемъ* встретился в берестяных грамотах (№ 489, 749, Твер. 2), употреблено местоимение 1-го лица (*азъ въ томъ* 'я за это отвечаю'), а не *самъ*¹¹.

Поправка, предложенная А. Журавель, заключается в том, чтобы в рассматриваемом фрагменте трактовать *хотѧ* не как частицу, а как причастие. В этом случае фрагмент читается следующим образом:

И, заславъ, Захарья въ в[ъ]ре 8рокль: «Не дайте Савъ ни одного песца!», — хотѧ на нихъ емати самъ въ томъ — 'А Захарья, прислав [человека, через него] клятвенно заявил: «Не давайте Савве ни одного песца!», — желая сам собирать с них [эту дань]'.

Перед нами совершенно стандартная для древнерусского повествования синтаксическая конструкция, где причастный оборот с глаголом *хотѧ* разъясняет мотивы поступка, о котором идет речь¹², ср.:

И молваше всегда Ярополку Свѣналдъ: «Поиди на братъ свои и прими волость его!», — хотѧ ѿмстити сѣу своему [Лавр., 975, л. 23]; и пришедъ Индрихъ князь Воротыславский, выгна и, хотѧ самъ княжити [Ипат., 1290, л. 306об.]; Того же лѣта воевода нѣмечьской Трунда с Нѣмци в ловихахъ и въ шнекахъ внидоша Невоя в Ладоское озеро ратью, хотяще на Корьля дань взяти [НПЛ Ком., 1284, л. 188].

Слова Захарии здесь, как и следовало ожидать, обращены к плательщикам дани — смердам (и, возможно, местным землевладельцам, см. ниже); они же имеются в виду в следующей фразе (*хотѧ на нихъ емати самъ въ томъ*), тем самым местоимение *они* получает имплицитный антецедент в тексте, отсутствующий в трактовке издателей грамоты.

В рамках данного чтения *въ томъ* относится к *емати* и представляет собой типичный пример конструкции с предлогом *въ*, подробно изученной А. А. Зализняком: «В конструкции участвуют преимущественно

¹¹ Вообще говоря, в берестяных грамотах местоимение *самъ*, как правило, имеет при себе либо эксплицитно выраженное подлежащее (в т. ч. личные местоимения, для которых это один из наиболее типичных случаев употребления в древнерусском [Зализняк 2008: 244]), либо личную форму глагола (в презенсе или императиве), либо то и другое одновременно. В любом случае субъект, к которому отсылает местоимение *самъ*, всегда ясен — в отличие от двусмысленности, присущей обороту *самъ въ томъ* в обсуждаемой интерпретации.

¹² В этом нетрудно убедиться, сделав соответствующий запрос в Древнерусском подкорпусе Национального корпуса русского языка (http://ruscorpora.ru/search-old_rus.html; дата последнего обращения: 06.10.2018).

глаголы с общим значением ‘заплатить’ (или ‘заставить заплатить’, ‘понести (или причинить) ущерб того или иного рода’, например: *платити, ѹти, заѹти, пограбити, вырути, погынути* и т. п. Предлогом *въ* вводится указание на то, за что (или по причине чего, или в счет чего) производится выплата или причиняется ущерб. При этом встречается управление как В., так и М. падежом, иногда даже в одном и том же контексте, например, *платити въ то* и *платити въ томъ* (разница значений при этом очень невелика и может даже совсем стираться)» [ДНД₂: 162] (подробнее см. [НГБ IX: 309–312], ср. также статью *въ (во)*, значение Б (7) в [СлРЯ XI–XVII вв., 2: 9]).

В данном случае *емати въ томъ* значит, по-видимому, ‘собирать [меховые шкурки] в счет той суммы, которая должна быть уплачена в качестве дани’. Из приведенных А. А. Зализняком примеров этой конструкции к контексту грамоты № 724, вероятно, ближе всего *рути въ чель* ‘подвергать конфискации имущество на определенную сумму (в счет некоторой суммы)’, ср.:

*Нѣ штошлѣтъ ли моихъ дву рублѣвъ, и а здѣ вашего доброго рижанина порублу оу твоихъ дву рублѣхъ ‘и я здесь у вашего знатного рижанина конфискую товар в счет этих двух рублей’ [Полоцк. гр., № 111, 1444–59 гг., с. 212]; порубил[е] ихъ Клавиша ... за Павла за Кровчу въ сте рублов и въ 30 и въ 7, за Огофона за Симанова ... въ сте рублев и въ 20 [Хорошкевич 1964: 274]; а насъ в томъ оспода порубили [Ibid.]; и въ томъ бы гостемъ нашимъ межи насъ порубокъ не было (грамота 1493 г., см. Срезн., статья *порубѣка*).*

В то же время предлог *въ* имеет и более широкое значение ‘по поводу, в отношении чего-то’, ср. в грамоте № 724: *въ [т]омъ ми сѧ не исправилъ* ‘со мной по этому поводу не рассчитался’¹³, а также в грамоте № 413: *а а тоби своему Осподину цоломъ бию в корѣки* ‘я тебе, своему господину, бью челом о корѣкѣ (лубяном сундучке)’ (здесь «предлог *в* имеет значение ‘из-за’, ‘по поводу’» [ДНД₂: 662]). Возможно, что в конструкции *емати въ томъ* предлог *въ* имеет похожий смысл.

Новый перевод закрывает еще одну смысловую лауну в тексте, отвечая на вопрос о том, почему — в версии Саввы — Захария запретил платить ему дань: он захотел собрать эту дань сам. Имперфектив *емати* показывает, что, по мнению Саввы, Захария претендует на то, чтобы не только в этот раз, но и в дальнейшем собирать дань на этой территории. Фраза еще раз подкрепляет основной посыл Саввиного письма о том, что в сложившейся ситуации виноват Захария.

¹³ Вообще говоря, бросается в глаза пристрастие Саввы к конструкциям с предлогом *въ* + винительный или местный падеж, ср., помимо обсуждаемых примеров: *въ томъ ссмъ осталъ* ‘поэтому я остался’, *даче что въ с[е] (-)емъ състане тагота тамъ* ‘если ему там из-за этого приключится тягота’.

3. Возражения А. А. Гиппиуса против поправки к переводу, предложенной в [Петрухин 2009]

Возражая против нового толкования грамоты, изложенного в разделе 2.1. настоящей статьи, А. А. Гиппиус оспорил перевод двух ключевых глаголов разбираемого фрагмента — *приятти* и *высягнути*, предложив понимать их иначе, чем у издателей грамоты и в [Петрухин 2009]. Рассмотрим еще раз эти глаголы.

Приятти

А. А. Гиппиус полагает, что в рассматриваемом контексте глагол *приятти* не мог значить ‘арестовать’, поскольку «во всех без исключения летописных примерах употребления *приятти* в значении ‘задержать, арестовать’, которые приводит исследователь [ср. [Петрухин 2009: 116–118] — П. П.], этот акт производится в месте, где его субъект пребывает постоянно»; «*приятти* в смысле ‘задержать’ можно было того, кто пришел к тебе, но не того, к кому ты пришел сам. Это неудивительно, поскольку та же пространственная ориентация характеризует и основное значение глагола (‘принять к себе’). На этом фоне связка *пришли* [...] *прияли*, если трактовать ее так, как это делает П. В. Петрухин, была бы исключением из правила. Можно, конечно, возразить, что погост, куда пришли смерды, был для них «своим» и что они действовали на своей (в широком смысле) территории, не давая новгородским «мужам» покинуть ее с собранной данью, но это соображение не отменяет чисто лексической несовместимости *приити* и *приятти* в значении ‘задержать’» [НГБ XII: 260–261].

Действительно, ситуация грамоты № 724 в принципе не противоречит остальным примерам с *приятти* ‘арестовать’: упомянутые в тексте смерды были, безусловно, местными жителями, тогда как Савва и его дружина пришли к ним за данью. Что же касается утверждения о «чисто лексической несовместимости *приити* и *приятти* в значении ‘задержать’», то оно исходит из необоснованной предпосылки, что «основным значением» глагола *приятти* является ‘принять к себе’. Так дело обстоит лишь с точки зрения современного русского языка, древнерусский же глагол *приятти* ‘арестовать’ не является семантическим дериватом от *приятти* ‘принять к себе’, его семантика шире, чем у совр. *принять*, и включает, среди прочего, значения ‘взять’ и ‘захватить, завоевать’ [СДРЯ XI–XIV вв., 8: 657–658], ср. также *приятти* в значении ‘захват, взятие (города)’ [ibid.: 665]. Именно с этим кругом значений естественно связывать значение ‘арестовать’, как это и сделано [ibid.: 658]¹⁴. *Приятти* в

¹⁴ Любопытно, что *принять* означает ‘арестовать’ в современном воровском жаргоне, ср.: «Короче, Длинного менты приняли. Мы с ним в ИВС [изолятор временного

значении ‘захватить, завоевать’ свободно сочетается с глаголами типа *прийти*, ср.:

пришедшимъ [о врагах, подошедших к городу] хотѣшимъ взяти бра(т)ю нашу. и вооружившесѧ прийти хотѣша гражаны. ꙗко птеньца ФСт XIV/XV, 96 [Ibid.]; ѡному же [речь идет о предводителе татарского войска Куремсе] пришедшоу к Лоучьскоу. и не могшоу емоу преити. хотѣше мостъ прийти. гражаномъ же ѡстѣхшимъ мостъ. ѡн же пороки постави ѡгнати хотѣ [Ипат., 1259, л. 281].

По мнению А. А. Гиппиуса [НГБ XII: 262], глагол *прियाи* в грамоте № 724 имеет то же значение, что в грамоте № 615, а именно, ‘взять с собой (в качестве официального лица)’, ср. [ДНД₂: 498–499]:

+ покланание · ѿ ла{ха}ха · къ фларѣви · исправи
лъ ли еси · десять гривенъ : на русилѣ · съ микулоу
посли семо · или еси не исправилъ · а исправи
и кланяюся · а дыцьский приима ·

‘Поклон от Ляха Фларю. Если ты получил с Руси (или: Русиля) десять гривен, с Микулой пошли [их] сюда. Если же не получил, то получи, прошу тебя, причем взявши детского’.

Как отмечает исследователь, «использование отрока или детского придавало процедуре взыскания долга официальный, а при необходимости — и насильственный характер» [НГБ XII: 262]¹⁵.

Действительно, отрок (детский) в качестве судебного исполнителя мог взыскивать долг с должника, за что по нормам Русской Правды ему полагалась определенная плата¹⁶. Однако попытка трактовать

содержания] на Петровке сидели. <...> Он просил, чтобы хату его почистили, и сказал, что когда его принимали, он был пустой. И чтобы ему адвоката нашли» (В. М. Карышев, «Девять граммов на весы Фемиды»). Нет оснований связывать это словоупотребление с древнерусскими фактами. По-видимому, здесь с характерным для воровской среды сарказмом обыгрывается значение ‘принять у себя, дать приют’. Подобные коннотации совершенно отсутствовали у древнерусского *прियाи* ‘арестовать’, который, судя по его многократному употреблению в договорных текстах, использовался как юридический термин.

¹⁵ Исследователь полагает, что в том же значении выступает глагол *пояти* в грамоте № 2 из Звенигорода Галицкого: *ѿ князѧ поема отроко прижъ приедю* ‘я возьму у князя отрока и вместе [с ним] приеду’. Однако в данном случае можно говорить лишь о сходных по смыслу контекстах, сам же глагол *пояти* означает здесь не ‘взять с собой’, а ‘взять (у кого-то)’.

¹⁶ Эта практика также нашла отражение в берестяных грамотах, ср.: *оужь ли право запираютсѧ(а) а а даю князю дыцьскамоу гривну сѣрьбра. едоу с нимо* ‘Если же в самом деле они (из-за лакуны неясно, кто) запираются (т. е. не признаются), то я даю княжескому детскому гривну серебра и еду с ним’ [ДНД₂: 442]. Впрочем, судя по материалу берестяных грамот, обычно присутствия самого истца при этом не требовалось, истец *посылал* отрока к должнику, ср. (тексты и переводы, если

в этом же ключе эпизод из рассказа Саввы вызывает сомнения. Прежде всего, даже если смотреть с позиций издателей грамоты и А. А. Гиппиуса, смерды грамоты № 724 — не истцы, руководствующиеся решением суда, а «муж» Андрея Боголюбского — не отрок, исполняющий это решение. Также, если принять гипотезу Гиппиуса, смерды должны были прийти к Савве уже с «Андреевым мужем»¹⁷. Именно так исследователь и представляет себе ситуацию: «...местные смерды, обеспокоенные тем, что заплатили дань самозванцу, явились к Савве, чтобы потребовать выплаченную дань назад. Но они пришли не одни, а в сопровождении Андреева мужа, к которому обратились как к представителю власти» [НГБ XII: 262; разрядка моя. — П. П.]. Однако в тексте события следуют в обратном порядке: смерды сначала «пришли», а затем «мужь приали».

Перевод Гиппиуса вызывает вопросы и с лингвистической точки зрения. В прочтении Янина и Зализняка сочетание *ѿ Анѣдрѣа* относится к *приали* ('приняли мужа от Андрея'), в моем — к *пришли* ('пришли смерды от Андрея'). Различаясь по смыслу, оба варианта в равной степени синтаксически приемлемы. В прочтении Гиппиуса *ѿ Анѣдрѣа* не относится ни к какому глаголу, а служит определением при *мѣжѣ*, т. е. сочетание *ѿ Анѣдрѣа мѣжѣ* должно означать 'муж Андрея (Андреев муж)'. Но такого рода определения (во всяком случае, для одушевленных объектов) в древнерусском языке неизвестны. Это делает вариант Гиппиуса самым слабым из трех предложенных.

Высягнути

Следующее возражение А. А. Гиппиуса касается глагола *высягнути*. А. А. Зализняк [ДНД₂: 354] со ссылкой на западнославянские параллели

не оговорено иное, цитируются по [ДНД₂]: *а .а. посолоу дѣские князѣ* 'а я пошлю княжеского детского' (Торж. 13); *накы ли али [.а. сл.]ю [дѣ]* 'В противном случае я посылаю [детского]' (№ 295), *а посѣли отрокѣ на погостѣ* (834), *али чмо есемо виновата а восоли отроко* 'Если я что-нибудь должна, то посылай отрока (т. е. судебного исполнителя)' (644), *не с[ѣ]ль отрока еду самѣ и .б. гривнѣ везу* 'Не посылай (или: Он не шлет) отрока: еду сам и две гривны везу' (Ст. Р. 6). Также истец мог *пристави* отрока, что означает по сути то же самое, ср.: *(н)е възда. да пристави отрокѣ* (смысл: если X не отдаст полгривны, следует вызвать отрока (судебного исполнителя)) [НГБ XII: 42]) (№ 947); *али ти не даст а пристави на нь отро(к)ѣ* 'Если же он (Василь) не даст, то пошли на него отрока' (Ст. Р. 15). В одном случае представлен оборот *вывести отрока*: *Выведѣ отрокѣ на Микоулоу и на Лѣшилнѣ, възми полѣ питѣ гр(и)в(ѣ)нѣ* 'Выведа (т. е. вызвав) отрока на Микулу и на Лешана (или: на лесных жителей), возьми четыре с половиной гривны' [НГБ XII: 150] (№ 1050). О судебных исполнителях в древнем Новгороде ср. [Безус 1998].

¹⁷ Неслучайно в обоих примерах, приведенных Гиппиусом [НГБ XII: 262] (помимо грамоты № 615, это грамота № 2 из Звенигорода Галицкого, где, впрочем, использован глагол *пояти*, а не *прятати*), глагол *прятати* (*пояти*) стоит в форме причастия прошедшего времени.

перевел его как 'выйти за пределы', 'вырваться'. Альтернативный перевод был предложен (устно) голландским исследователем А. Де-Влаамом, по мнению которого *высягнути* следует понимать как антоним к *присягнути*, т. е. 'сложить с себя присягу'.

Последняя гипотеза несостоятельна как по прагматическим, так и по лингвистическим соображениям [Петрухин 2009: 115]. Из текста грамоты следует, что она написана с целью оправдать Тудора и его «восьмерку» перед «братией и дружиной» (а также, видимо, и в глазах судей), однако, если принять перевод А. Де-Влаама, то Савва докладывает о том, что Тудор и его отряд изменили присяге, т. е. фактически выступает их обвинителем. Не менее важно, что древнерусский глагол *присаши* (*присагнути*) / *присазати* 'прикоснуться' не имел современного значения 'принести присягу': согласно [Золтан 2002: 791], глагол в данном значении, как и сущ. *присяга*, был заимствован из западно-русского в великорусский во второй половине XV в. Показательно, что в самой грамоте № 724 в значении 'присяга' употреблено слово *въра*.

«Казалось бы, — пишет А. А. Гиппиус, — значение *высягнути* устанавливается таким образом однозначно, но это не так. Между значением 'вырваться, бежать' и значением 'выступить за край, выдаться', которое имеют приводимые А. А. Зализняком славянские параллели (польск. *wysięgnąć*, в.-луж. *wusahnuć*), имеется принципиальная разница. Выступить за край предмет может, лишь находясь основным своим объемом в пределах, ограниченных этим краем. Значения же, приписываемые древнерусскому слову, этому условию не удовлетворяют: они предполагают, что объект полностью покинул место своего исходного пребывания.

Альтернатива, предложенная А. Де-Влаамом, кажется, напротив, вполне жизнеспособной, но нуждается в существенном уточнении. Значение 'выйти из повиновения' у *высягнути* совсем не обязательно связывать с нарушением присяги: в нем можно видеть параллель к переносному употреблению глагола *выступить*, которым неслучайно переводятся в.-луж. *wusahnuć* и польск. *wysięgnąć*. В русских источниках глаголы *выступити*(ся) / *выступати*(ся) с XIV в. фиксируются в значениях 'преступить, нарушить что-л.', 'выйти из подчинения'; см. особенно пример из духовной Дмитрия Донского: *А вы, дѣти мои, слушайте свое мѣтри во все(м) из ее воли не выступаите ся ни в че(м)*» [НГБ XII: 264].

Однако и предлагаемую А. А. Гиппиусом параллель трудно признать убедительной. Во-первых, значения 'преступить, нарушить что-л.', 'выйти из подчинения', встречающиеся у *выступити*(ся) / *выступати*(ся) с конца XIV в., засвидетельствованы исключительно в составе оборота

*выступити(ся) / выступати(ся) из (чьей-либо воли, слова, указу)*¹⁸; в грамоте № 724 данный оборот отсутствует. Во-вторых, сколь бы дружественными ни представлялись отношения между Новгородом и Суздалем при князе Святославе Ростиславиче, новгородские сборщики дани не были связаны с властями соседнего княжества какими-либо формальными обязательствами, которые они могли бы «преступить», занимаясь сбором дани на своей территории; по крайней мере, насколько мне известно, исторические источники не свидетельствуют о наличии или хотя бы гипотетической возможности подобных обязательств.

Но допустим всё же, что фраза *и осьмь высагла что о тѣдоре* означает ‘А восемь [человек], что под началом Тудора, вышли из повиновения’. Мы получаем оценочное суждение, из которого совершенно неясно, в чем заключалось это неповиновение. Оказали ли дружинники Тудора физическое сопротивление «Андрееву мужу»? Однако Савва не сообщает ни о каких вооруженных столкновениях, сказано лишь: *и дане ѿшли людѣ*. Чтобы ответить на этот вопрос, А. А. Гиппиус приводит другие языковые параллели, уже из современного русского языка, где имеется слово *выступление* в значении ‘массовое проявление недовольства’ (ср. *народные выступления*) и жаргонное *выступать* ‘вызывающе себя вести, задираться’¹⁹ [НГБ XII]. По мнению ученого, «можно думать, что произошло следующее: когда приведенные смердами люди Андрея потребовали от Саввы отдать собранную им дань, “восьмерка” Тудора не подчинилась, *выступила* против этого» [Ibid.] (курсив А. А. Гиппиуса). Следовательно, по Гиппиусу, дружинники Тудора оказали не физическое, а словесное сопротивление суздальцам: в то время как остальная часть дружины Саввы, надо полагать, равнодушно взидала на отъем дани (или даже приветствовала его?), восьмерка Тудора устроила что-то вроде акции протеста. При этом они несколько не пострадали от людей «Андреева мужа», а просто остались при Савве, чтобы затем доставить его письмо в Новгород [Ibid.: 265]. Однако едва ли словесное «выступление» при отсутствии реального сопротивления могло стать тем серьезным проступком, за который Тудору и его отряду грозила «тягота» и который потребовал заступничества Саввы.

¹⁸ Ср. помимо приведенного Гиппиусом примера: *се ли, господине, ваше печалование къ царю [...] что не может царь ис Тегина слова выступити* [МЛС: 249]; *правду учинили на том, что им из моего слова не выступити* [Посольские книги: 63]; *и изъ указу ничего не выступатца* [СлРЯ XI–XVII вв., 3: 261]. Оборот реализует вполне очевидную пространственную метафору нарушения границы, очерченной договором, указом и т. п.

¹⁹ Впрочем, последнее значение скорее связано не с «выходом из подчинения», а со значением ‘выступать перед публикой’: протест сравнивается с выступлением на сцене и тем самым высмеивается и обесценивается.

Учитывая все сказанное, представляется все же предпочтительным перевод *высягнути*, предложенный А. А. Зализняком ('выйти за пределы', 'вырваться'). Нужно лишь учесть общую особенность глаголов типа *выступить*, *выйти*, *вылезти* и т. п., которая заключается в том, что их семантика зависит от одушевленности / неодушевленности субъекта действия. В случае неодушевленного субъекта описывается статическое состояние (результат предшествующего процесса), и субъект «выступает за край» частично, ср.: «Ища спасения, чайки переселились на новые, выступившие из воды острова» (И. С. Соколов-Микитов). В случае одушевленного субъекта (как в грамоте № 724) речь идет о динамическом процессе и полном отделении субъекта, ср.: «Который комендант? — спросил самозванец. Наш урядник выступил из толпы и указал на Ивана Кузмича» (А. С. Пушкин).

Наряду с приведенными А. А. Зализняком западнославянскими параллелями стоит обратить внимание на восточнославянский материал. Глагол *сягнути/сягати* хорошо известен в современных восточнославянских языках и диалектах. В [СРНГ, 43: 192] он означает, в частности, 'идти большими шагами', 'скакать, прыгать'. Те же значения представлены у этого глагола в украинском языке. Как принято считать [Фасмер, 4: 393], от того же корня *шаг* и *шагать*, в связи с чем любопытно, что в украинских диалектах у *шагнути/шагати* отмечено значение 'вспыхивать, вырываться (о пламени)' [Грінченко, IV: 481]. У Даля находим выражение «пересягнуть через», т. е. 'перепрыгнуть'. [СлРЯ XI–XVII вв., 29: 164] отмечает *сягнути* в значении 'сделать большой шаг, шагнуть'. Множество фактов указывает на взаимосвязь значений 'прыгать', 'идти широкими шагами' и 'бежать', ср. русск. *сигать* 'прыгать' и 'бежать, быстро убежать', бел. *сігаць* 'скакать', 'бежать, быстро идти широкими шагами' [ЭСБМ, 12: 77], древнерусск. *ристати* 'бегать (бежать), быстро ходить; носиться, нестись; скакать. прыгать' [СлРЯ XI–XVII вв., 22: 166]²⁰. От последнего глагола образовано *выристати* со значением 'сделать вылазку' [СлРЯ XI–XVII вв., 3: 243]²¹. Эти данные позволяют предполагать, что в древнерусском глагол *сягнути* и/или его приставочные производные могли обозначать быстрое перемещение. В этом случае глагол *высягнути* должен иметь примерно то же значение, которое предложил А. А. Зализняк: 'вырваться', 'выскочить' (ср. [Зализняк 1995: 288])²².

²⁰ Ср. английский глагол *skip* 'прыгать, скакать; бежать вприпрыжку', в разговорном языке (в т. ч. с послелогами *off / out*) имеющий также значение 'в спешке покинуть, скрыться, улизнуть'; ср. также аналогичные примеры в [Варбот 2000].

²¹ Ср.: *Жидовъ... възбраняеми же суще от вышняя мьсти, выристаху же яко разбоиници из врат внезапно, и желъвъ отторгаху, и под нею стоящихъ съяху* (Флавий) [СлРЯ XI–XVII вв., 3: 243].

²² Ср. у Н. С. Гумилева («Записки кавалериста») о действиях попавших в окружение немцев: «Они спохватились слишком поздно. Одни выскочили, побросав орудия

В целом, как мне представляется, логическая связка глаголов *приятти* ‘арестовать’ и *высягнути* ‘вырваться (убежать)’ (из-под ареста) дает наиболее простое и непротиворечивое толкование соответствующего фрагмента грамоты.

4. Историческая трактовка грамоты

Само по себе чтение фрагмента *по томъ пришли смерди ѿ андрѣа мѣжь приаши и данѣ ѿаши людѣ* как ‘Потом пришли смерды от Андрея, арестовали дружинников и отняли дань’ не исключает упоминания в грамоте знаменитого суздальского князя. Вполне можно допустить, что не кто иной, как Андрей Боголюбский прислал смердов, чтобы те отобрали дань у Саввы. Но эта версия сомнительна по другим соображениям [Петрухин 2009: 112–114]. Дело в том, что посадничество Захарии пришлось на время княжения в Новгороде Святослава Ростиславича, каковой стал новгородским князем в результате соглашения между Андреем Боголюбским и киевским князем Ростиславом Мстиславичем, сам же Захария был ближайшим политическим союзником Святослава [НПЛ, л. 31об.–32; Лимонов 1987: 67–68; Янин 2003: 146]. Тем самым политический расклад 1161–1167 гг. не оставляет места ни для конфликта между Новгородом и Суздалем, ни для противоборства между новгородским князем и посадником.

Согласившись с этими доводами, А. А. Гиппиус заменил первоначальную историческую трактовку грамоты на нечто прямо противоположное. Согласно этой новой интерпретации, «действия мужа Андрея и его людей не только не заключают в себе ничего враждебного в отношении Новгорода, но, напротив, помогают новгородской администрации достичь ее цели — не дать Савве собрать дань. В условиях возникшего административного вакуума смерды обращаются к представителю союзного Новгороду суздальского князя, и тот помогает им защитить свои интересы» [НГБ XII: 262].

Чтобы подкрепить данный тезис, исследователь сослался на рассказ о походе Семьюна Емина на Тоймокары с отрядом в 400 человек (вслед за Гиппиусом цитирую текст Синодального списка с разночтениями по младшему изводу):

Поиде тоя зимы Съмьюнъ Еминъ въ 4-хъ стѣхъ на Тоимокары, и не пусти ихъ Гюрги, ни Ярослав сквозѣ свою землю; и придоша Новугороду въ лодьяхъ, и ста по полю шатры на зло; и замыслиша Твърдислав и Якунъ тысяцкыи, засли [заслаша] къ Гюргю, не пусти [пустити] ихъ туда; и възвадиша городъ. Тъгда отъяша посадничество у Твърдислава и даша Смену Борисовицю, а тысяцское у Якуна и даша Семьюну Емину [НПЛ, 1219, л. 91об.].

и пулеметы, другие сдались, а две роты, никем не замеченные, блуждали в лесу, мечтая хоть ночью поодиночке выбраться из нашего кольца».

Текст в издании не вполне вразумителен, в связи с чем А. А. Гиппиус частично реконструировал его следующим образом [НГБ XII: 263]:

и замыслиша: Твърдислав и Якунъ тысячьскыи заслали къ Гюргю: «не пусти ихъ туда»; и възвадиша городъ 'И стали думать: [это] Твердислав и тысяцкий Якун послали к Гюргию, [говоря]: «не пусти их туда»; и возмутили город'.

А. А. Гиппиус пишет:

Независимо от того, были ли обоснованными подозрения Семьюна и его спутников, очевидно, что возмущившая город весть звучала правдоподобно, и, следовательно, такой сценарий был в порядке вещей. Утверждалось же следующее: посадник Твердислав и тысяцкий Якун послали к Юрию Всеволодовичу, чтобы тот не пустил в Заволочье Семьюна Емина с его людьми. Вряд ли такая просьба могла обосновываться чем-то иным, кроме как утверждением об отсутствии у Семьюна официального мандата на сбор дани. *Mutatis mutandis*, это сильно напоминает события, о которых повествует грамота № 724. Разница в том, что в 1219 г. вызванное обращением из Новгорода препятствование суздальских князей деятельности новгородских данников заключалось в недопущении их в Заволочье, а не в отборе уже собранной там (якобы незаконно) дани [НГБ XII: 263].

По мнению исследователя, в обоих случаях «в основе конфликта лежало столкновение интересов конкурирующих боярских группировок» [Ibid.].

Вполне соглашаясь с приведенной выше реконструкцией, я не могу принять этот рассказ НПЛ как аргумент в пользу отстаиваемой А. А. Гиппиусом исторической трактовки грамоты № 724. Разумеется, ситуация, когда борющиеся за власть группировки прибегают к помощи других (в том числе враждебных) государств, во все времена была «в порядке вещей». Но совсем не в порядке вещей, чтобы власти одного государства заботились о соблюдении формальных процедур при сборе налогов на территории другого государства. В частности, если обратиться к рассказу о походе Семьюна Емина, противодействие дружине в 400 человек могло привести к серьезному кровопролитию, причем с непредсказуемым исходом. Так было, например, в 1169 г., когда войско Андрея Боголюбского попыталось преградить дорогу Даньславу Лазутиничу, шедшему данником в Заволочье также в сопровождении 400 дружинников (по сто «мужей» от каждого новгородского конца). В результате Даньслав, разбив суздальцев, собрал «всю дань, а на суздальскихъ смърдѣхъ другую» [НПЛ, л. 36–36 об.]. Едва ли суздальские князья пошли бы на подобный риск всего лишь из-за отсутствия у новгородского данника «официального мандата». В самом деле, и в 1169 г., и в 1219 г. причины конфликтов были совсем иными: первое столкновение случилось вскоре после изгнания из Новгорода ставленника Андрея

Боголюбского Святослава Ростиславича, второе — после битвы на Липице 1216 г., где князья Юрий (Гюрги) и Ярослав были наголову разбиты новгородцами.

Еще одно серьезное препятствие для отстаиваемой А. А. Гиппиусом трактовки грамоты № 724 уже отмечалось в [Петрухин 2009: 119] и состоит в следующем. Савва пишет о Захарии: *а въ [т]юмь ми са не исправилъ въ борзѣ ни къ вамъ ни [т]ѣ ти былъ*. Глагол *исправити* в берестяных грамотах означает ‘выполнить (обязательство, обещание)’, ‘рассчитаться’, ‘заплатить’ [НГБ VIII: 175–176; ДНД₂: 745]. По мнению Саввы, запретив платить ему дань, Захария должен был немедленно приехать, рассчитаться с ним и взять на себя дальнейший сбор дани. Савва явно обвиняет Захарию в пренебрежении своими обязанностями. Между тем очевидно, что подобные разъезды не входили в круг должностных обязанностей новгородского посадника (тем более если учесть, что, по мнению издателей грамоты и А. А. Гиппиуса, дело происходило за Полярным кругом [НГБ XII: 261]).

В ходе дискуссии после доклада А. А. Гиппиуса в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН на Семинаре по истории русского языка и культуры И. Б. Иткин высказал идею, на первый взгляд, устраняющую данную проблему. Она состоит в том, что слова *а въ [т]юмь ми са не исправилъ въ борзѣ ни къ вамъ ни [т]ѣ ти былъ* принадлежат не Савве, а Захарии: посадник сообщает о том, что Савва не появлялся ни у адресатов послания, ни у него, иными словами, не получил разрешения на сбор дани и является самозванцем (глагол *исправити(ся)* в таком случае должен означать нечто вроде ‘получить разрешение на определенную деятельность’). Однако, нацеливаясь на решение одной проблемы, эта гипотеза создает целый ряд других.

Допустим, что посадник Захария обвиняет Савву в невыполнении неких стандартных процедур, требуемых для получения санкции на сбор дани. Но почему он подчеркивает, что Савва не сделал этого *быстро* (*въ борзѣ*)? Если слова принадлежат Савве, то понятно: по мнению автора грамоты, остановив своим распоряжением его работу, Захария должен был как можно быстрее прибыть на место, чтобы, во-первых, не подвергать опасности дружинников, а во-вторых, в срок (как сказано в грамоте, «до осени») завершить сбор дани. Очевидно, что, с точки зрения Саввы, именно нерасторопность Захарии привела к печальным последствиям. Если же речь идет о визите Саввы в канцелярию посадника, то упрек в недостаточной скорости действий непонятен.

Следующая проблема касается уже содержания всей грамоты. Савва пишет «к братии и дружине» с целью объяснить, что с ним случилось,

оправдать свои действия и заступиться за Тудора с его восьмеркой (напомню, что в приписке он выражает готовность дать показания в суде). Основную вину за происшедшее он возлагает на Захарию. Что получается, если принять гипотезу Иткина? Савва приводит пространную цитату из послания Захарии с обвинениями против самого себя и даже не пытается что-либо возразить! В этом случае его просьба «порозумѣти» Тудору и письмо в целом теряют всякий смысл.

Мою собственную трактовку грамоты А. А. Гиппиус критикует за неопределенность статуса Андрея:

Сам Петрухин оставляет его непроясненным: «либо местный администратор, либо землевладелец (боярин, вотчинник), либо местный старейшина». Однако по отдельности каждая из этих возможностей либо противоречит тому, что известно о социально-административной организации Новгородской земли, либо заставляет предполагать такие черты этой организации, которые не подтверждаются никакими другими фактами и представляют собой чистые догадки. Представителем новгородской администрации на отдаленных окраинах Новгорода, по идее, и должен был выступать человек, осуществлявший сбор дани в соответствующем районе, каковым в нашем случае — официально или нет — является Савва. Новгородские вотчинники-бояре, как известно, не жили в своих отдаленных вотчинах, но постоянно проживали в Новгороде, и это обстоятельство лежало в самой основе экономического устройства Новгородской земли; да и предполагать существование боярских вотчин за Полярным кругом (где, как показывает упоминание песцов, разворачивались события, описанные в грамоте) нет никаких оснований. О «местных старейшинах», с которыми приходилось иметь дело новгородским данникам на таких территориях, мы знаем разве что по рассказу статьи НПЛ 1193 г. о походе новгородцев на Югру, упоминающей «югорского князя», но совсем не похоже, чтобы такой «старейшина» мог носить имя Андрей [НГБ XII: 261].

В самом деле, нельзя не согласиться с А. А. Гиппиусом в том, что «предполагать существование боярских вотчин за Полярным кругом [...] нет никаких оснований». Проблема, однако, в том, что в самой грамоте № 724, в приписке, упоминаются «сельчане»²³, которым «князь сам» выделил «участки» земли. Тем самым присутствие в данной местности неких землевладельцев прямо следует из слов Саввы. Этим вопросом стоит заняться подробнее.

---

²³ «Слово *сельчанинъ* 'житель села' неоднократно встречается в актах, причем часто именно в сочетании типа «сельчане такого-то князя» (т. е. жители принадлежащих ему сел), например: *Имати имъ тамга и церковная пошлина и пятно с великого князя селчанъ и съ великіе княгини селчанъ* (таможенная грамота 1497 г., см. Срезн.)» [ДНД: 354].

5. Где происходят события?

5.1. О семантике слова *песец*

По мнению издателей, разделяемому А. А. Гиппиусом, «упоминание о песцах служит указанием на местонахождение плательщиков дани, собираемой Саввой. Песцы (иначе — полярные лисицы), будучи представителями фауны Арктики и Субарктики, обитают в полярных материковых тундрах. Савва находится где-то на севере новгородских владений» [НГБ X: 24]²⁴.

Но верно ли такое умозаключение? Ведь известно, что в древней Руси пушнина широко использовалась в качестве средства платежа (в том числе при уплате дани, ср., например, новгородскую берестяную грамоту № 2), а следовательно, « меховые деньги » циркулировали по всей древнерусской земле независимо от особенностей местной фауны.

Есть и другая проблема. С момента первого прочтения грамоты № 724 никем не ставилось под сомнение, что слово «песец» означает здесь то же, что в современном русском языке. Между тем это отнюдь не очевидно.

Слово *пъсьць* образовано от *пъсь* с помощью уменьшительного суффикса *-ьць-*, и в самом раннем из известных примеров (из Хроники Георгия Амартола), действительно, говорится о щенках собаки: *яко песьци лижуще веселятъ(с)* [СДРЯ XI–XIV вв., 9: 397]. Далее по старшинству идет пример из Киевской летописи (Ипат., 1160, л. 180 об.): *и бѣ(с) же радость во тѣ днѣ межю има. и дарове мнози. да бо Ростиславъ Стѣславу соболми и горностаими. и чернѣми кунами. и песьци и бѣльми волкѣ. и рѣбѣми зубѣ* [Ibid.]. Вообще говоря, неизвестно, что здесь понимается под «песцами», но поскольку они упомянуты в одном ряду с «белыми (полярными) волками» (другими представителями арктической и субарктической фауны), а также «рыбьими зубами» (скорее всего, моржовые бивни), то речь вполне может идти о мехе полярной лисицы. Все прочие упоминания песцов (за исключением, разумеется, самой грамоты № 724) не старше XVI в.

На этом фоне особенно любопытны данные украинского и белорусского языков и русских диалектов. В. В. Нимчук пишет:

²⁴ Замечу, что это предположение плохо согласуется с исторической интерпретацией грамоты — как первоначальной, В. Л. Янина и А. А. Зализняка, так и с поправками А. А. Гиппиуса. Ведь контакты между новгородцами и суздальцами (враждебные или дружественные) с наибольшей вероятностью могли иметь место там, где соприкасались владения Новгорода и Суздаля (например, вокруг Белоозера), а не на территориях песцового промысла, максимально удаленных от границы двух княжеств. Если же допустить, что Савва собирал дань южнее, например, в бассейне Онеги или Северной Двины (именно эти территории чаще всего называются «Заволочьем»), то здесь песцовый промысел отсутствовал. Заволочские леса славились изобилием самых разных пушных зверей, но только не песцами.

Нині терміном *песець* позначається хижак із родини собачих, поширений у північних широтах — тундри, лісотундри тощо, але ще наприкінці XVII ст. на Україні водилися якісь дикі тварини (з котрих добували хутро), що іменувалися *песок* (суфікси *-ок* та *-ець* у багатьох випадках були синонімічними, причому демінутивний формант *-ець* протягом історії активно витіснявся суфіксами *-ок* < *-ькѣ*, *-ик* < *-икѣ*): члѣвѣка ... приоздобляють ... рысь *пѣски* и коты [Климент Зиновьев], Дароваль Святославу соболи, горностаи, куны чорныи, *пески*, бѣлыи волки и рыбіи зубы [Феодосий Сафонович]. Сучасна семантика номена *песець*, мабуть, прийшла з російської мови [Німчук 1992: 205].

Первый пример — из виршей Климента Зиновьева (сер. XVII в. — нач. XVIII в.). Второй пример уже знаком нам по Киевской летописи, но здесь извлечен из «Хроники» Феодосия Сафоновича 2-й пол. XVII в.; хотя он очевидно вторичен, сама по себе форма *пески* примечательна. В белорусском языке слово *пѣсак* (*пясак*) имеет значение ‘кролик’. При этом, согласно [ЭСБМ 9: 103], прежде это слово «использовалось для называния разных зверьков с густой шерстью». По данным [ГСБМ 24: 267], в белорусских актах XV в. слово *песок* встречается как в значении ‘щенок’, так и в значении ‘мех песца’ («дал есми ему оутра песков белых заморских дватцат до захованя»); слово *пес* в старобелорусских текстах используется в значении ‘хищный лесной зверь (лис, шакал и др.)’ [Ibid.: 271]. Согласно В. И. Далю, в тульских говорах *песцом* называют «долгошерстого кролика». М. Фасмер в статье «пѣс I» обращает внимание на выражения *густопсовая собака*, «с длинной шерстью», и *псовая собака*, «лохматая».

Приведенные данные показывают, что в восточнославянских диалектах слово *песец/песок* могло обозначать различных зверей с длинной шерстью, причем не только из семейства псовых. У нас нет данных о том, когда именно в русском языке за *песцом* закрепилось значение ‘полярная лисица’. Возможно, что на определенном этапе своей истории это слово служило общим названием для небольших зверей с длинной густой шерстью. Но в то время как у большинства из этих зверей были и самостоятельные названия, полярная лисица как животное, с которым восточные славяне познакомились лишь в ходе освоения территорий Крайнего Севера, собственного зоономена не имела, в силу чего за ней закрепилось название *песец*. Лексическая специализация подобного рода хорошо известна, ср., например, ит. *pecora* ‘овца’ из лат. *pecus* ‘домашние животные, скот’.

5.2. Грамота № 724 и гипотеза о княжеском домене в Новгородской земле
Итак, упоминание «песцов» не может служить надежным ориентиром для определения местонахождения Саввы. Между тем автор грамоты

сам указывает свои координаты, когда говорит в приписке: а се[л]счаномъ своимъ кѣ[н]а з[б] самъ отъ [в]олокѣ [и] отъ [м]ѣс(т)ѣ ѹчастокѣ вдале. Логично полагать, что речь идет о волоке на Мсте. Более того, на основании этих слов можно предположить, какой именно волок имеется в виду.

В договорной грамоте Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем 1264 г. (древнейшем из сохранившихся новгородско-княжеских докончаний) выдвинуты следующие условия пребывания князя и его приближенных на Новгородской земле:

А бес посадника ти, княже, волостии не роздавати, ни грамотъ даяти. А волостии ти, княже, новгородьскыхъ своими мужи не держати, нѣ держати мужи новгородьскими; а даръ от техъ волост[ии] имати; н[и] с[е]л[ъ] ти держати по Новгородьскоу волости, ни твоей княгыни, ни бояромъ твоимъ, ни твоимъ дворяномъ; ни свободъ ставити по Новгородьскоу волости [ГВНП: 9–10] (те же условия повторяются в ряде последующих договоров).

Иными словами, приглашаемый в Новгород князь не может: 1) раздавать земли без участия посадника; 2) присваивать земли «своим» людям; 3) собирать дань с помощью своих людей: этим ведают сами новгородцы, князь же лишь получает «дар» с новгородских «волостей». Надо полагать, те же условия оговаривались и в более ранних докончаниях, ср. во вводной части той же грамоты: *На семъ ти, княже, хрѣстъ цѣлов[а]ти, на цѣмъ то цѣловал[ъ] хрѣстъ] отецъ твои Ярославъ. Держати ти Новѣ[гор]одъ по пошлнѣ, како держалъ отецъ твои [Ibid.: 9] (отец Ярослава Ярославича, Ярослав Всеволодович, княжил в Новгороде (с перерывами) с 1215 по 1236 г.).*

Очевидно, что содержащиеся в грамоте № 724 сведения противоречат условиям договорных грамот по всем трем пунктам: 1) Савва подчеркивает, что участки земли выделил «князь сам», т. е. самолично, без участия посадника; 2) князь наделил участками «своих» сельчан; 3) как совершенно справедливо заметил А. А. Зализняк, «[в] Савве, который ссылается в своем письме на князя (*кѣнѣзь самъ...*), естественно видеть княжеского человека» [ДНД₂: 351], т. е. сборщика дани, подчиняющегося не посаднику, а князю, и собирающего дань в пользу последнего.

В то же время из общего правила, запрещавшего княжеским «мужам» собирать дань в новгородских владениях, имелись исключения. В. Л. Янин [2001, 13–14] пишет: «В договорах Новгорода с князем, сохранившихся от второй половины XIII–XV вв., предусмотрен порядок финансового обеспечения приглашаемого на новгородский стол князя. Государственные подати собирают сами новгородцы, передавая князю их малую часть в виде «дара». Но с двух податных единиц — погостов Важанского и Имоволожского — весь доход поступает в личную казну

князя», ср.: *А на Имоволозьскомъ погосте куны ти имати и на Важаньскомъ* [ГВНП, № 3: 13], ср. также [ГВНП, № 19, 22, 26].

В 1999 г. В. Б. Крысько [1999; 2006] и В. Л. Янин [Янин, Зализняк 1999: 21–22; Янин 2000] независимо друг от друга определили местонахождение Имоволожского погоста²⁵. Как указывает Янин [2001: 14],

Имоволожский погост находился в верховьях Мсты, контролируя волок из Тверцы в Мсту на главном пути из Новгорода в среднерусские земли [согласно [Янин, Зализняк 1999: 22], речь идет о «наиболее ответственном пункте» этого пути — П. П.]. Сейчас место этого погоста занимают город Вышний Волочек и Вышневолоцкое водохранилище.

По Янину, район волока, соединявшего Мсту с Тверцой, входил в состав более обширной территории, где новгородский князь был безраздельным хозяином, — так называемого «княжеского домена», расположенного на юге Новгородской земли, в южной части позднейшей Деревской пятины [1981: 241–249; 1987]²⁶. Известно, что на территории домена князь осуществлял земельные пожалования своим приближенным и монастырям. Более того, Янин [1981: 245–249] связывает начало формирования вотчинной системы в XII–XIII вв. именно с раздачей частным лицам и духовным учреждениям «черных» (общинных) земель из «домениального княжеского фонда».

Таким образом, предположение о том, что события, о которых повествует Савва, произошли в верховьях Мсты, на волоке, соединяющем ее с Тверцой, разом снимает все противоречия в исторической интерпретации грамоты. При этом письмо Саввы оказывается уникальным свидетельством в пользу гипотезы Янина о существовании на юге Новгородского государства территории, где новгородский князь пользовался особыми правами. Дело в том, что гипотеза о княжеском домене (особенно в плане его географической локализации) опирается в основном на косвенные данные, в первую очередь на материал писцовых книг, самые ранние из которых относятся к концу XV в. В грамоте № 724 эта гипотеза впервые находит прямое подтверждение²⁷.

²⁵ В. Б. Крысько пришел к этому выводу по лингвистическим соображениям, отождествив название погоста с именем находящегося в этом же районе оз. Имоложье, В. Л. Янин — на основании анализа найденной в 1998 г. берестяной грамоты № 885.

²⁶ В специальной монографии Янина [1998б] обосновывается гипотеза, согласно которой домен образовался в результате передачи Мстиславом Владимировичем в начале XII в. части территории Смоленского княжества Новгороду с целью обеспечения доходом своих потомков на новгородском столе.

²⁷ Возможно, что с местом написания связана еще одна необычная особенность грамоты. А. А. Зализняк [1995: 288], отметив «сочетание книжной графической системы, превосходной каллиграфии и почти полностью стандартной морфологии» основного текста грамоты, предположил, что ее писцом был поп.

6. О датировке грамоты

Полагая, что в грамоте № 724 упомянуты Андрей Боголюбский и посадник Захария, В. Л. Янин и А. А. Зализняк датировали документ временем посадничества Захарии (1161–1167 гг.). Поскольку в настоящей статье гипотеза о тождественности упомянутых в грамоте лиц с суздальским князем и новгородским посадником отвергается, время написания документа должно определяться по той же методике, что и у подавляющего большинства берестяных грамот, а именно, на основе археологических, палеографических и лингвистических данных. Посмотрим, на что указывают эти данные.

6.1. Стратиграфия

Согласно [НГБ X: 24], «надежной стратиграфической даты грамота не имеет». В. Л. Янин объясняет это «сложностью стратиграфической обстановки» на месте находки грамоты — Михаилоархангельском раскопе. Сложность «обусловлена нарушением слоя подземными коммуникациями новейшего времени и близостью участка к древнему оврагу, активно высушивавшему культурные напластования» [Ibid.: 7–8]. Под оврагом Янин, по-видимому, имеет в виду русло древнего ручья, о котором писал С. Н. Орлов [1964: 273]. Однако археологические работы не подтвердили данных Орлова: по словам руководителя Михаилоархангельского раскопа Б. Д. Ершевского [2005: 54], русло ручья «в древности должно было находиться севернее, по крайней мере, на 30–40 метров от северного края раскопа». Что же касается подземных коммуникаций, то они проходят через южный участок раскопа (где обнаружены грамоты № 715, 718, 719) и не коснулись грамоты № 724, лежавшей ближе к его северной границе (ср. план раскопа с указанием размещения грамот в [Ершевский 2003: 166]).

В древности территория Михаилоархангельского раскопа была городской окраиной; согласно [Ершевский, Розанова 1994], здесь находилась мастерская кузнеца, функционировавшая «с периода освоения территории до начала XIII в.». Грамота № 724 найдена на месте «усадьбы Б», где старейшая жилая постройка дендрохронологически датируется 1185 г. [Ершевский 2005: 55]. Место находки грамоты № 724 вплотную прилегает к древнему частоколу, который, судя по отчетам Ершевского [2003: 166; 2005: 57], хорошо сохранился. Частокол находится на уровне

В свете высказанной выше гипотезы в этом нет ничего удивительного. Как известно из записи писца Ильиной книги [Ильина книга 2005: 610], в районе Имоволожских озер издревле находился монастырь. Вероятно, Имоволожский погост и монастырь располагались относительно недалеко друг от друга и при желании не преуспевшие в искусстве каллиграфии администраторы погоста могли обращаться за помощью к монастырской братии.

3-го яруса проходящей через раскоп древней мостовой. Этот ярус датируется 1202–1266 гг., что и определяет стратиграфическую дату грамоты [Ершевский 2003: 168].

Разумеется, данные стратиграфии могут расходиться с реальным возрастом грамоты, ср. [НГБ X: 427–428], но в любом случае при рассмотрении вопроса о датировке необходимо учитывать, что грамота № 724 имеет стратиграфическую дату. Чтобы поставить ее под сомнение, нужны серьезные основания, т. е. внестратиграфические данные, которые бы ей явно противоречили. Таковыми в нашем случае могут быть данные палеографии и языка.

6.2. Палеография

Согласно Зализняку, палеография грамоты № 724 «указывает на интервал 1160–1180 как на самый вероятный; по-видимому, не исключено также некоторое его продление до 1200 (признак «Ж прямая звезда»)» [НГБ XII: 268]. В самом деле, из датирующей матрицы для грамоты № 724 [НГБ X: 315] видно, что хронологические рубрики (1160–1180) и (1180–1200) совпадают почти во всем, различия между ними минимальны. Интервал 1160–1200 не исключает того, что грамота была написана на рубеже XII–XIII вв. или несколько позже, в начале XIII в. При этом стоит учесть частично уже цитировавшееся выше наблюдение Зализняка [1995: 288]:

Сочетание книжной графической системы, превосходной каллиграфии и почти полностью стандартной морфологии скорее всего говорит о том, что грамоту писал человек, привыкший ориентироваться на нормы, принятые для официальных документов (возможно, это был поп; об участии попов в северных экспедициях известно из летописи)²⁸.

Хорошая каллиграфическая выучка подразумевает более или менее выраженную ориентацию на книжное письмо, что в свою очередь может вести к некоторой «архаизации» начертаний букв. В этом смысле показательна грамота № 293, написанная попом, письменным навыкам которого, по словам А. А. Зализняка, была свойственна «архаизирующая установка» («поп стремился писать по-книжному и “по-старинному”») [ДНД₂: 475]. Стратиграфически эта грамота датируется 2-й третью XIII в., ее язык не противоречит этой датировке (ср. [Ibid.] о скандирующем эффекте в грамоте), условная дата в [НГБ X: 147] [1240]←, однако внестратиграфические показатели относят эту грамоту к интервалу 1140–1200 гг. [НГБ X: 330].

²⁸ Очевидно, имеется в виду Иванко Леген, участвовавший в походе новгородцев на югу 1193 г. [НПЛ: 41].

6.3. Язык

6.3.1. Различия между основным текстом и припиской

Как известно, грамота № 724 отличается от прочих писем на бересте не только своим содержанием, но и весьма необычным языковым устройством. Дело в том, что основной текст и приписка, будучи написанными, по А. А. Зализняку, одним почерком²⁹, в языковом отношении совершенно различны. В [ДНД₂: 352] эти различия характеризуются следующим образом:

1) В основном тексте автор явно ориентируется на книжную графическую систему (отклонений в процентном отношении очень мало). В постскрипте процент таких отклонений вырастает столь заметно, что мы уже фактически имеем дело с бытовой графической системой.

2) По состоянию редуцированных основной текст с очевидностью должен быть отнесен к позднерусскому типу; по этому признаку он выглядит скорее как текст XIII, а не XII века. Напротив, в постскрипте почти все редуцированные на письме сохранены, т. е. он вполне соответствует нормам XII века.

3) В основном тексте почти нет диалектных особенностей и даже те немногие, которые всё же проскользнули (*досени*, *ѡрокль*, презенс *сѣстане*), не очень ярки и не позволяют однозначно установить новгородское происхождение автора. Напротив, в постскрипте автор дает своему новгородскому диалекту почти полную волю: ср. *нынеца*, *ѡчасть*, *водале*, *послале*, *отъ [М]ѡс(т)ъ*.

В плане датировки, конечно, первостепенный интерес представляет 2-й пункт, касающийся редуцированных гласных. Следует заметить, что поведение еров в грамоте изначально оценивалось с оглядкой на ее историческую трактовку. Первая (не по времени публикации, а по времени написания)³⁰ статья о грамоте № 724 ([Зализняк 1995]) отразила

²⁹ В [Петрухин 2009: 122–125] было высказано предположение о том, что в основном почерке и в приписке представлены разные почерки. Эта идея была подвергнута критике А. А. Гиппиусом и А. А. Зализняком [НБГ XII: 258–259; 265–266]. Как бы то ни было, хотя А. А. Зализняк представил идею о двух почерках едва ли не краеугольным камнем лингвистической интерпретации грамоты в [Петрухин 2009], на самом деле вопрос о почерках рассматривается в самом конце моей статьи, в качестве своего рода постскриптума, и существенной роли в рассуждениях о языке грамоты не играет.

³⁰ Хотя сборник к 65-летию Д. Ворты, в котором опубликована статья, вышел из печати в 1995 г., он был подготовлен тремя годами ранее. В постскрипте к предисловию, датированному сентябрем 1992 г., издатели сборника указали, что «[f]or technical reasons beyond the control of the editors, this volume could appear only with considerable delay» [Бирнбаум, Флайер 1995: 8]. Первой публикацией грамоты была работа [Янин 1993: 117–119], за ней последовали [Янин, Зализняк 1994: 9–11], [ДНД₁: 295–300], [Янин, Зализняк 1996: 129–133], [Янин 1998а: 397–402]. Все перечисленные публикации отражают более продвинутый этап изучения грамоты, чем в [Зализняк 1995], текст грамоты в них имеет тот же вид, что и в [ДНД₂: 350].

тот этап ее изучения, когда приписка по существу еще не была прочитана: как писал Зализняк [Ibid.: 284], «текст на внешней стороне листа сохранился столь плохо, что какого-либо связного чтения для него (по крайней мере, в настоящий момент) предложить нельзя. Усматриваются лишь фрагменты: ...члномъ свом...; али ти брат(ъ)е...; а сдѣ на м.л не и...; ...нынеча радъ б...». Тем самым анализ вынужденно ограничивался основным текстом. Указав, что «наблюдаемая здесь картина характерна скорее для новгородских документов конца XII — первой четверти XIII в. (и возможна также и для более поздних документов XIII в.)»³¹, Зализняк [1995: 286–287] прямо поставил вопрос: «...совместима ли эта ситуация с высказанным выше предположением, что грамота относится к 1161–1167 гг.?» Упомянув ряд берестяных грамот XII в., в той или иной степени отражающих падение и прояснение еров, и Добрилово евангелие 1164 г., демонстрирующее довольно последовательную позднерусскую систему, ученый ответил на поставленный вопрос так: «...состояние редуцированных в грамоте № 724 не может рассматриваться как обстоятельство, исключающее отнесение этой грамоты к 60-м годам XII в.» [Зализняк 1995: 287]. Позднее, когда текст приписки был полностью расшифрован, картина редуцированных в нем была воспринята как подтверждение ранее предложенной датировки: «...ведь если бы постскрипtum не сохранился, мы вполне могли бы относить основной текст грамоты к началу XIII в.» [ДНД₂: 353].

Однако расшифровка приписки не рассеяла сомнения в датировке грамоты. Напротив, к вопросу о времени написания документа добавился другой, и, пожалуй, более сложный вопрос: как объяснить ситуацию, когда в одном и том же документе одна часть написана языком XIII в., а другая — языком XII в.? Другими словами, к проблемам с абсолютной хронологией добавились проблемы с хронологией относительной³².

³¹ На данном этапе в 6-й строке грамоты вместо *въ томъ* ошибочно читалось *въсол[ю]* (= *въсълю*) [Зализняк 1995: 284], с ером в слабой позиции, отсюда несколько более осторожная по сравнению с [ДНД₂: 352] формулировка. После исправления этой ошибки позднерусское состояние редуцированных в грамоте стало еще более последовательным.

³² Теоретически можно было бы предположить, что основной текст и приписка написаны носителями двух разных диалектов, в одном из которых процесс падения и прояснения редуцированных продвинулся гораздо дальше, чем в другом, но, во-первых, А. А. Гиппиус [НГБ XII: 258–259] и А. А. Зализняк [Ibid.: 265–266] настаивают на том, что вся грамота написана единым почерком; во-вторых, данная гипотеза заслуживала бы рассмотрения, если бы основной текст грамоты содержал признаки южных восточнославянских диалектов, откуда происходит Добрилово евангелие (впрочем, резко отличающееся по состоянию редуцированных от всех остальных рукописей XII в. с юга Руси), однако написание *ѣрокль* (с переходом *е > о* не после шипящего или *ј*) исключает «будущую украинскую территорию» [Зализняк 1995: 288].

6.3.2. Основные датирующие языковые признаки грамоты

Обратимся сначала к первому вопросу и попробуем понять, к какому времени скорее можно отнести грамоту исходя только из ее лингвистических характеристик, независимо от содержания текста.

Прежде всего привлекает внимание **последовательное прояснение сильных редуцированных** — везде, где таковые имеются, ср.: *песца, въ борзѣ, первомѣ, смерди*. Последние три формы особенно показательны, так как содержат сочетания редуцированных с плавным: в прочих случаях *е, о* на месте сильных **ь, *ѣ* в текстах, написанных в книжной орфографии (каковым является основной текст грамоты № 724), могут быть орфографической условностью, связанной с ориентацией на образцовые южнославянские тексты; прояснение еров в сочетаниях с плавными безусловно отражает произношение пишущего [Шахматов 1915: 206].

В берестяных грамотах процесс прояснения сильных редуцированных прослеживается довольно плохо в силу характерного для бытового письма смешения *ѣ* с *о* и *ь* с *е*. Показательными могут быть только грамоты, хотя бы частично свободные от такого смешения.

Обзор ранних примеров прояснения еров дан в [ДНД₂: 65–66]. Если оставить в стороне случаи, которые сам А. А. Зализняк считает не вполне надежными или объясняющимися особыми обстоятельствами (ср. грамоты № 710 [ДНД₂: 365], № 659/648 [ДНД₂: 444–445]), в XII в. имеется лишь один пример — форма *скорбѣ* в грамоте № 10 из Старой Руссы (←1160–1180→). При этом во 2-й пол. XII в. — нач. XIII в. представлено множество примеров, где сильные редуцированные записаны через *ѣ, ь*, ср. примеры [Ibid.: 66].

Замечательным свидетельством о состоянии редуцированных гласных в переходную эпоху является берестяная грамота № 1113 конца XII в. [Гиппиус 2019: 61–66]. В этой грамоте, написанной без смешения *ѣ, ь* и *о, е*, при последовательном пропуске слабых редуцированных все сильные редуцированные (3 случая) отражены без прояснения [Ibid.: 64–65]; ср. также грамоту Торж. 10 («вероятно, конец XII в.» [ДНД₂: 365]). Это согласуется с данными книжных рукописей, которые показывают, что процесс падения слабых редуцированных начался раньше, чем процесс прояснения сильных (см. ниже).

Самый ранний текст на бересте, в котором последовательно проведено прояснение сильных редуцированных, — грамота № 510 (←1220–1240), где представлены написания: *сьломь, рожь, сотѣ, торговала* (2×), *долгоу*.

В пергаменной грамоте Варлаама Хутынского (1192–1210 гг.) приблизительно равное количество примеров с прояснением сильных редуцированных и без такового (соответственно, 6 против 5-ти) [ДНД₂: 66, 459].

Данные книжных памятников севера и северо-востока Руси, датированных 2-й пол. XII — 1-й пол. XIII в., таковы. Переписанный в Новгороде около 1170 г. Студийский Устав (ГИМ, *Син.* 330) широко отражает утрату слабых редуцированных при полном отсутствии замен ъ, ь на о, е [Попов 2015: 63], ср. [Ищенко 1986: 8]. В Слове Ипполита Римского об антихристе (ГИМ, *Чуд.* 12) конца XII в. «случаев пропуска слабых еров в корнях немного по сравнению со случаями их сохранения» [Попов 2015: 63] (ср. [Голышенко 1963: 11]), при этом замены ъ, ь на о, е отсутствуют. В Полоцком евангелии (РНБ, *Пог.* 12), предположительно переписанном в 1-й пол. XIII в. в Новгороде с галицко-волинского оригинала, «при большом количестве написаний с пропуском слабых еров, которые сохраняются только в определённых позициях (прежде всего в группах согласных, между двумя одинаковыми согласными и в некоторых других случаях) [...] зафиксировано лишь 4 примера с пояснением сильных редуцированных (*долгъ, столпъ, трии сотъ, четвертовластець*)» [Попов 2015: 63], ср. [Шулаева 1970: 9–10]; по мнению М. Б. Попова [2015: 63], эта рукопись «отражает этап между падением слабых и пояснением сильных [ъ] и [ѣ]».

Последовательное падение и пояснение редуцированных отражает группа северо-восточных рукописей начала XIII в., изученных в этом отношении О. А. Князевской [1973; 1976], ср. [Попов 2015: 64]. Это Троицкий (Лаврский) кондакаръ (РГБ, ф. 304.1, № 23), Житие Нифонта 1222 г. (РГБ, ф. 304.1, № 35 — ср. [Пономаренко 2009: 108–133]), Толковый апостол 1220 г. (ГИМ, *Син.* № 7), Университетское евангелие начала XIII в. (не позднее 40-х гг.) (НБ МГУ № 2, *Ag.80*).

Следующий важный признак — **переход [е] в [о]**, отразившийся в форме *ѡрокль*. Как известно, данное фонетическое изменение произошло после падения и пояснения редуцированных гласных (поскольку изменению подвергалось не только исконное [е], но и [е] из [ъ]), а в случае, когда переход происходил не после шипящих и аффрикат, — безусловно, и после формирования пар согласных по твердости-мягкости, ставшего результатом падения редуцированных.

По понятным причинам переход [е] в [о] после парных по твердости-мягкости согласных лучше прослеживается по берестяным грамотам, чем по книжным памятникам (профессиональные писцы избегали написаний типа *Потръ* вместо *Петръ*). В берестяной письменности самые ранние примеры данного явления представлены в грамоте № 30 из Старой Руссы (1180–1200): *Потру, тенота, гривоно*, а также в грамоте № 150 (1180–1200→): *[н](е)родо собож*. Дальнейшие примеры относятся уже к середине — второй половине XIII в. [ДНД₂: 69].

Итак, по рефлексам сильных редуцированных грамота № 724 может быть поставлена в один ряд с бытовыми и книжными текстами,

написанными не ранее начала XIII в. Переход [е] в [о] фиксируется в берестяных грамотах не ранее конца XII в. Неудивительно, что в обоих случаях грамота № 724, датированная в [ДНД₂: 1161–1167 гг., открывает списки самых ранних примеров соответствующих фонетических явлений [ДНД₂: 65, 69].

Существенно, что берестяные грамоты, в которых встретились указанные явления, являются позднерусскими и по другим показателям. Так, в грамоте № 510 все слабые редуцированные опущены. Грамота № 10 из Старой Руссы «отчетливо принадлежит к позднерусскому типу» [ДНД₂: 448]. В грамоте № 30 из Старой Руссы [ДНД₂: 449] представлен скандирующий эффект, в силу чего слабые редуцированные в ней «нельзя считать показательными». По словам А. А. Зализняка, «вполне возможно, что грамота отражает уже позднерусское состояние» [ДНД₂: 449] (ср. об этой грамоте ниже в настоящей статье).

В связи с этим представляется отнюдь не случайным, что основной текст грамоты № 724 наряду с последовательным прояснением сильных редуцированных и переходом [е] в [о] демонстрирует столь же **последовательный пропуск слабых еров**. Редуцированные в *сѣстане, отѣбыти* — вероятно, дань орфографической традиции: книжная орфография (по нормам которой написан основной текст грамоты № 724) допускала последовательное написание предлогов и приставок с ъ в тех случаях, когда в прочих позициях слабые еры в основном уже опускались. Написание *Аньдрѣа* также представляет собой книжную орфограмму [Попов 2015: 61]. Резкий рост берестяных грамот с пропуском слабых редуцированных происходит в начале XIII в., начиная с 20-х гг. XIII в. они уже абсолютно преобладают, см. диаграмму в [ДНД₂: 60].

6.3.3. Как объяснить языковые различия между основным текстом и припиской? Гипотезы А. А. Зализняка

С последовательно позднерусским состоянием основного текста грамоты № 724 контрастирует приписка, где почти все слабые редуцированные сохранены, ср.: *кѣ[н]ѣз[ъ], ѡчѣстоуѣ, до[вѣд]ок[а], отѣ[М]ѣс(т)ѣ, водале, се[л]ечѣномѣ*, единственное исключение — *послале*.

В [ДНД₂: 352–353] данное различие объясняется тем, что «выбор бытовой графической системы сопровождается здесь сохранением редуцированных на письме, а выбор книжной системы — их опущением. Это важное подтверждение тезиса о том, что при книжной графической системе процесс падения редуцированных отражается на письме в целом быстрее, чем при бытовой».

Действительно, в [НГБ IX: 252–255] приведены убедительные статистические данные, свидетельствующие о разнице в динамике процесса

падения редуцированных между книжными и бытовыми текстами. Там же предложено объяснение этой разницы, которое вкратце сводится к следующему. Завершению процесса падения и прояснения редуцированных предшествовал период, когда произношение слабых [ъ] и [ь] было факультативным. В это время, «по-видимому, в рамках книжной системы возможность не записывать ставший факультативным слабый [ъ] (неконечный) получила характер особого орфографического правила» [Ibid.: 254], в свою очередь, обусловленного книжной орфографической традицией. Напротив, бытовое письмо, формировавшееся «под значительным влиянием приемов чтения и записи по складам», характеризовалось «общей тенденцией к сломам типа CV», крайним проявлением которой был скандирующий принцип записи; «в эпоху, когда слабые редуцированные были факультативными (т. е. сохранялись или утрачивались в зависимости от темпа речи и т. п.), указанная тенденция должна была приводить к опоре при письме преимущественно на вариант с сохраненной гласной» [Ibid.].

Как видим, по Зализняку, в плане отражения редуцированных книжное и бытовое письмо находились под влиянием противоположных (орфо)графических тенденций. Тем не менее ученый полагает, что «книжная запись была более условной, чем бытовая», и что «бытовая запись отражает интересующий нас процесс более достоверно, чем книжная» [НГБ IX: 255].

Как бы то ни было, вышеизложенная концепция не объясняет языковую ситуацию грамоты № 724. Ведь если «бытовая запись отражает интересующий нас процесс более достоверно, чем книжная», значит, состояние редуцированных в приписке ближе к разговорному произношению писца грамоты, а их состояние в основном тексте — в какой-то степени орфографическая условность. Но в таком случае пришлось бы предположить, что в основном тексте особые орфографические правила стоят не только за пропуском слабых редуцированных, но и за прояснением сильных и переходом [e] > [o], что невозможно.

Не меньше проблем возникнет и в том случае, если, наоборот, допустить, что ближе к говору писца стоит язык основного текста. Ведь, как было показано выше, в берестяных грамотах последовательное прояснение сильных редуцированных и переход [e] > [o] сопровождается последовательным пропуском слабых еров. В целом очень похожая картина и в книжных памятниках (хотя здесь орфографическая традиция способствует сохранению слабых еров в определенных позициях). На этом фоне берестяная грамота № 724, где в одном ряду оказываются такие написания, как *песца, въ борзѣ, первомѣ, смерди, ѡроклѣ и кѣназѣ, ѡчастокѣ, до[въд]ок[а], [М]ѣс(т)нѣ*, выглядела бы загадочным исключением.

В [НГБ XII] (вероятно, в связи с изложенными соображениями)³³ А. А. Зализняк предложил несколько иное решение данной проблемы. Оно заключается в том, что в действительности «основной текст и приписка в языковом отношении отстоят друг от друга не так сильно [...] как это описано в ДНД» [Ibid.: 267]. В подтверждение этого тезиса А. А. Зализняк представил следующую таблицу:

	Основной текст	Приписка
В сложных сочетаниях согласных	<i>състане, отъбыти</i>	<i>Мъсть, д'частокъ, довѣдока</i>
В простых срединных сочетаниях	<i>послати, заславѣ, пришли, песца</i>	<i>послале</i>
В простых начальных сочетаниях	<i>что (2×)</i>	<i>къназь</i>

По словам А. А. Зализняка, «отсюда видно, что имеющийся материал в действительности обнаруживает различие только в простых начальных сочетаниях; в прочих позициях ситуация одинакова» [НГБ XII]. В соответствии с этим новым подходом ученый объединил материал обеих частей грамоты, сопоставил его с рядом грамот 2-й пол. XII в. (№ 235, 550 и «блок Якима») и пришел к заключению, что «грамота № 724 с точки зрения поведения редуцированных в принципе вполне сходна с несколькими грамотами 60х — сер. 90х гг. XII в.» [Ibid.]. Конечный вывод Зализняка состоит в невозможности «определить хронологическое место грамоты № 724 внутри интервала 1160–1220 на основании того, как ведут себя редуцированные: такая же картина редуцированных может встретиться в документе из любой части этого интервала. Утверждать можно лишь то, что грамота принадлежит именно к этому примерно 60-летнему переходному периоду» [Ibid.].

Как ни странно, рассматривая место грамоты на «шкале исторической эволюции палеографических и языковых признаков» (если воспользоваться определением из [НГБ X: 424]), А. А. Зализняк не упомянул о таких важнейших для этой шкалы признаках, как прояснение редуцированных и переход [e] в [o]. Удивляет и отсутствие упоминания о том, что в *състане* и *отъбыти* буква редуцированного относится к приставке (хотя это отмечено в [Зализняк 1995: 286]), в результате чего все показательные случаи сохранения слабых редуцированных оказываются сосредоточенными в приписке.

Таким образом, ни первое, ни второе объяснение нельзя признать удовлетворительным.

³³ Они обсуждались в электронной переписке А. А. Зализняка с автором настоящей статьи.

6.3.4. Состояние редуцированных в приписке и эффект скандирования В [Петрухин 2009: 122], высказав сомнения относительно принятой исторической трактовки грамоты, я предложил признать, что язык основного текста является позднераннедревнерусским не только по виду, но и по сути, вполне адекватно отражая произношение писца, картина же, наблюдаемая в приписке, объясняется эффектом скандирования. Ранее о том, что в приписке к грамоте № 724 представлен скандирующий эффект, писал (безотносительно к вопросу о датировке) В. М. Живов [2006: 40].

Эта идея встретила решительное несогласие со стороны А. А. Гиппиуса и А. А. Зализняка. А. А. Зализняк писал:

В приписке (как и во всей грамоте № 724 в целом) «вставные» буквы *о* и *ѣ* представлены только в точках, где в раннедревнерусском были редуцированные. Поэтому в данном случае тезис о скандировании — это чистая гипотеза, основанная на допущении того, что все «вставные» гласные оказались именно на месте древних редуцированных (и ни разу внутри древних сочетаний согласных) случайно. Такая возможность теоретически не исключена, но ее вероятность чрезвычайно низка. [...] Чтобы оценить всю произвольность такой конструкции, достаточно осознать, что точно такой же ход рассуждения, если бы он был приемлем, легко привел бы желающих к выводу, что практически все раннедревнерусские грамоты отражают язык, где редуцированных уже нет, а то, что именно на их местах (и ни на каких других) в грамотах стоит *ѣ* — это просто случайность в распределении эффектов скандирования [НГБ XII: 286].

В том же духе высказался А. А. Гиппиус:

Объяснение эффектом скандирования сохранения слабых редуцированных в постскриптуме также выглядит надуманным: в отсутствие примеров, которые иначе как скандированием объяснить невозможно, предполагать в тексте наличие этого эффекта в принципе не имеет смысла — в противном случае скандирующим можно признать любой раннедревнерусский текст [НГБ XII: 259].

У читающего эти высказывания может создаться впечатление, что речь идет об обыкновенной грамоте XII в., которую автор этих строк для чего-то решил «омолодить». Между тем, как показано выше, попытки представить грамоту № 724 как типичный древнерусский текст XII в. невозможны без существенных натяжек.

Гораздо интереснее другой вопрос: возможно ли, чтобы применение скандирующего принципа на письме приводило к появлению текста, неотличимого от раннедревнерусского? И если да, то является ли такой результат случайностью?

Согласно определению А. А. Зализняка, «скандирующий принцип записи (или, иначе, эффект скандирования) состоит в том, что за любой согласной буквой на письме должна следовать гласная буква (в

число таковых считаются входящими также *ъ* и *ь*). Если на фонетическом уровне гласной нет (т. е. если перед нами конечная или предконсонантная согласная), то пишется *ъ* или *ь* (в бытовой графической системе соответственно *o* или *e*) — в зависимости от твердости или мягкости согласной. [...] На практике, правда, скандирующий принцип обычно реализуется не совсем последовательно: некоторые сочетания согласных всегда или хотя бы иногда остаются в обычном виде (чаще других это касается сочетаний *ст*, *ск*, *сп* и сочетаний типа «согласная + *л* или *р*»)» [ДНД₂: 35], ср. также [НГБ IX: 243, 253–254].

Рассмотрим несколько берестяных грамот, в которых А. А. Зализняк отметил последовательное или непоследовательное скандирование. Выделим в них буквенные сочетания, где возможно сохранение или пропуск «этимологического» слабого редуцированного или вставка «неэтимологического» гласного, и назовем такие сочетания «релевантными». Сочетания, соответствующие раннедревнерусскому состоянию (назовем их условно «правильными»), подчеркнуты одной чертой; сочетания, не соответствующие раннедревнерусскому состоянию (т. е. с пропуском редуцированного или вставкой «лишнего» гласного), выделены серым цветом. Не учитываются позиции конца слова и предлоги, а также редуцированные в суффиксе *-ьj-*.

Ст. Р. 30, 1180–1200

+ ѿ матѣѡса ко винилу добываи верси дома и по пяти
гривону крини а ѿтоселе са не наден а молови потру камо
еси дело два воза суца исоправи не исоправици ли а сто
гривено за два воза а цето ти са остало суца то остави ести
а тенота купи безо отоступа

В грамоте 20 релевантных сочетаний, из которых 15 правильных, три с пропуском редуцированного, два со вставкой гласного. Как уже отмечалось выше, эта грамота содержит самые ранние в берестяной письменности примеры перехода [e] > [o]: *Потру, тенота, гривону*.

Пск. 6, ←1260–1280

ѿ кюрика и ѿ герасима к анофимоу про белоу оже кесте
не стороговале³⁴ то прислите со проста замода оу насо
коупла есте беле а про себе оже боудыше пороже то боу
ди к намо а намо ксинофоноте измакле а про сеи чело
веко мы кго не знаемо а во томо божеи вола и тв
оа

³⁴ В раннедревнерусской системе в данной форме редуцированный после *р* мог отражать «второе полногласие», ср. ниже *молови* в грамоте № 346.

В грамоте 20 релевантных сочетаний, из которых 17 правильных и три с пропуском редуцированного.

№ 346, 1280–1300

ѿ микиѳора : ко тѣтоке молови ра-
темирѣ · оти са соцете со моноу молови
ж[є] .. ...[а]ле во торожек[є]
... ...[р]ажает лихѡ деете

В грамоте 7 релевантных сочетаний, все они правильные. Комментарий А. А. Зализняка: «Эта грамота интересна тем, что поведение этимологических редуцированных в ней формально соответствует раннедревнерусским нормам [...] Но при этом в грамоте вообще ни разу не встретилось двух согласных букв подряд, т. е. наблюдаемая картина неотличима от той, которую дает скандирующий эффект (§ 1.14). К сожалению, ни одного слова с исконным *CC (*rC, *lC не в счет) в грамоте нет; поэтому мы не можем непосредственно увидеть, писал ли Микифор, скажем, *товои* вместо *твои*. Поскольку, однако, показания всех прочих грамот данной эпохи не позволяют нам предполагать, что автор данной грамоты был носителем раннедревнерусского языка (даже если он был очень стар), наиболее вероятной здесь оказывается именно гипотеза об эффекте скандирования. Менее вероятно, что перед нами результат первоклассной орфографической выучки: в этом случае ожидалась бы стандартная, а не бытовая графика (и словоформа ‘молви’ скорее была бы записана с *лв*, а не *лов*)» [ДНД₂: 506].

№ 390, 1280–1300

бологожъ :в: жерьбѣа : козляско : павъ:тыць :в: жерьбѣа : во подогореи : писина :в: жъ-
ребѣа : старо поле : завътьрение : по рыдино :в: жерьбѣа : а бороть : по рѣци : по го-
линое : и по конажъ : людѣико : до ѡсть воломи :в: жерьбѣа : а по голиное : рѣце занъ-
тыць : и до колина : вохо мое : и за ивъницѣ : а бориславѣ : доргала : соторона : нѣтъца : по
црьтово рѣци : и до върѣховѣа и по пѣть рыдѣньскои

В грамоте 20 релевантных сочетаний, из которых 18 правильных, 2 вставки гласных ближе к концу текста (не учитываются формы *колина* и *голиное*, этимология которых не вполне ясна). Текст входит в состав целого блока грамот с эффектом скандирования (№ 390, 409, 410, 394, 398, 343) [ДНД₂: 507–511].

№ 582, 1280–1300→

цето еси прислале дова целовека
те побегли а коне не ведаю г[а]ѣ пои-
мавоши а тимона меретве

Из 8 релевантных сочетаний 6 правильных.

№ 366, ←1360–1380

съ урадѣса · аковъ съ гюрь-
гьмо · и съ харѣтономъ
по бьсудьной грамотѣ
цто бьлъ возалъ гюрьгѣ грамоту
в ъзыѣжьной пышнѣцѣ а ха-
рѣтоно во проторѣхо своѣхъ
и воза гюрьгѣ за вьсь то рубль
и трѣ грѣвонъ и коробью пыш-
нѣцѣ · а харѣтонъ воза · дьсать
локотъ сукона и грѣвону · а боль-
нъ надобѣ гюрьгю нѣ харѣтону
до акова нѣ акову до гюрьга нѣ
до харитона · а на то радьцѣ и послушѣ
давьдъ лукѣнъ сынъ сътыпанъ таишѣнъ

Из 20 релевантных сочетаний 19 правильных.

№ 122, ←1410–1420→

слово добро ѿ ксифа брату фомѣ
не забудь льва о позъвѣ до рьжи
а позъвале родиване падиногине
а иноу все добро здорово а тѣ то помъни

Из 10 релевантных сочетаний 8 правильных, 2 пропуска редуцированного.

Особый случай представляет собой грамота № 293. Она необычна тем, что эффект скандирования сопровождается здесь книжной графикой, т. е. отсутствием смещения *о* и *ѣ*, *е* и *ь*, в то время как обычно скандирование встречается в грамотах, написанных «по-бытовому».

№ 293, ←1240–1260

Внутренняя сторона

+ ѿ по(п)а къ завидѣ : дѣвѣма десатѣма гриѣ · безъ гривнѣ · на[м](ѣ по
·ѣ·) рѣзанъ · дѣвое · то ти ·ѣ· гривнѣ и ·ѣ· кѣнъ · вѣдаи волотѣковѣи ...

Внешняя сторона

... (в)[ѣ]зми за са : и кланяюся : тои гривнѣ серебѣра :

Из 14 релевантных сочетаний 11 правильных, 1 пропуск редуцированного и две вставки гласных букв (также неисконный ер в *безѣ*). По замечанию А. А. Зализняка, «на первый взгляд грамота производит впечатление раннедревнерусской. В действительности, однако, перед нами результат того, что поп стремился писать по-книжному и «постаринному». Он выдал эту свою орфографическую установку гиперкорректным написанием *серебѣра* (отчасти также *гиривынѣ* и *безѣ*); кроме того, в слове *възми* он всё же пропустил слабый *ь*. Заметим, что архаизирующая установка данного типа при постепенном забвении традиционного облика слов легко переходит в скандирующий принцип (§ 1.14). Даже и саму эту грамоту, вообще говоря, уже можно было бы оценить как документ с непоследовательным эффектом скандирования» [ДНД₂: 475].

Теперь сделаем ту же процедуру с припиской грамоты № 724:

а се[а]сѣуаномѣ свомѣ кѣ[н]а з[ь] самѣ отѣ [в]олокѣ [и]
отѣ [м]ѣс(т)ѣ ѡуасто~~кѣ~~ водале а[ѡ]е ли ти брат[ь]е
винѣ а[ю]дѣе на ма не ищѣ[тъ] а до[вѣд]о~~к~~[а] бѣд[ѣ]
то же нынѣца радѣ бѣхѣ послале [грам]о[тѣ]

Из 12 релевантных сочетаний 11 правильных, один пропуск редуцированного.

Данные по всем рассмотренным грамотам суммированы ниже в таблице.

Грамота	«Правильные» сочетания	«Вставные» гласные
Ст. Р. 30	75 % (15 из 20)	2
293	79 % (11 из 14)	2
Пск. 6	85 % (17 из 20)	0
346	100 % (7 из 7)	0
390	90 % (18 из 20)	2
582	75 % (6 из 8)	0
366	95 % (19 из 20)	0
122	80 % (8 из 10)	0
724	92 % (11 из 12)	0

Как можно видеть, картина, сходная с тем, что наблюдается в приписке к грамоте № 724, встречается в целом ряде берестяных грамот с эффектом скандирования, датирующихся в пределах от конца XII до начала

XV в.³⁵ Некоторые из них значительно длиннее и «моложе» нашей приписки, и все же по состоянию редуцированных напоминают «раннедревнерусские» тексты, ср. в особенности грамоты № 366, 390, Пск. 6. В половине из рассмотренных грамот, как и в приписке грамоты № 724, отсутствуют «вставные» (неэтимологические) гласные буквы.

Таким образом, на вопрос, может ли текст, написанный с использованием приемов скандирования, походить на раннедревнерусский, безусловно следует ответить утвердительно.

Далее, конечно, встает вопрос о причинах этого явления, а именно: идет ли речь о случайном совпадении (пишущий случайным образом вставляет гласные туда, где исконно имелись редуцированные, и оставляет нетронутыми консонантные сочетания, где редуцированных не было) или же здесь действует какая-то закономерность? Подробный разбор этой проблемы выходит за рамки настоящей статьи, однако в целом ясно, что рассматриваемое явление отнюдь не игра случая.

Напомню, что, согласно А. А. Зализняку, при скандировании «некоторые сочетания согласных всегда или хотя бы иногда остаются в обычном виде (чаще других это касается сочетаний *ст*, *ск*, *сп* и сочетаний типа «согласная + *л* или *р*»)» [ДНД₂: 35]. Действительно, в рассмотренных грамотах именно эти (или похожие) консонантные сочетания чаще всего не разделяются вставными гласными. Так, грамота Ст. Р. 30, по Зализняку, «вполне возможно [...] отражает уже позднедревнерусское состояние, а вставка *о* или *е* подчиняется чисто механическому правилу: согласная + *р* (вероятно, также + *л*) и сочетания *ст*, *дв* на письме не разделяются, в прочих двусогласных сочетаниях и любых трехсогласных пишется вставная гласная (реально встретились *ц-т*, *т-с*, *т-Ѡ*, *л-в*, *т-ст*, *с-пр*)» [ДНД₂: 449]. Похожий принцип отмечен Зализняком в блоке грамот конца XIII в., включающем грамоту № 390 [ДНД₂: 449], и в грамоте № 366 [ДНД₂: 613].

Что же стоит за этим «чисто механическим правилом»? А. А. Зализняк связывает развитие скандирующего принципа записи с древнерусской

³⁵ Насколько можно судить, максимальная концентрация грамот с более или менее выраженным эффектом скандирования приходится на XIII в., ср., в частности, упомянутый выше блок из шести грамот конца XIII в. [ДНД₂: 507–511]. В это же время максимального значения достигает доля грамот со смещением *ѣ* — *о* и *ѣ* — *е* [Зализняк 2002: 581, 608], что, очевидно, неслучайно, поскольку скандирование, как правило, встречается в рамках бытовой системы письма. Однако скорее всего скандирование достаточно широко применялось и ранее (ср., например, грамоты Ст. Р. 22 (←1160–1180), № 682 (1160–1180→)), просто здесь его труднее выявить: на скандирующий эффект может указывать либо наличие «вставных» гласных букв, либо явное несоответствие состояния редуцированных датировке грамоты; очевидно, что для грамот, относящихся к «переходной эпохе» (т. е. времени от начала до завершения процесса падения и прояснения еров), второй показатель отпадает.

традицией «чтения по складам», в соответствии с которой обучавшиеся грамоте, прежде чем прочесть слово целиком, читали отдельные «склады» (слоги); та же традиция, очевидно, предполагала заучивание наиболее часто встречающихся слогов наизусть (о чем свидетельствуют, например, Острожская Азбука Ивана Федорова 1578 г. [Немировский 1983] и грамоты мальчика Онфима № 199, 201, 204, 206, содержащие наборы складов). По Зализняку, скандирование соответствует «тому предельному варианту чтения по складам, при котором консонантные сочетания разбиваются на отдельные склады; графический слог здесь всегда имеет вид CV (т. е. соответствует при самодиктанте простейшему типу склада)» [НГБ IX: 253]³⁶.

Однако склады имели не только вид CV (согласный + гласный), но и CCV (согласный + согласный + гласный). «Триписменнии слози» являются неперенным элементом восточнославянских букварей XVII в. При этом «в состав сочетаний, образующих слоги, входили — в букварях великорусского извода — сочетания с «редуцированными» ъ, ь, т. е. сочетания типа бѣ, бѣ, брѣ, брѣ и т. п.»³⁷, которые и понимались, таким образом, как совершенно равноправные слоги. Соответственно, например, слово «столь» воспринималось не как односложное, а как двусложное: *сто-ль*, слово «теляца» как трехсложное: *те-ль-ца* и т. п.» [Успенский 1970: 91]. Об актуальности трехбуквенных складов для языкового сознания авторов берестяных грамот свидетельствуют грамоты, в которых словоформы разделены на слоги при помощи точек, ср. № 915 (1050–1075), Ст. Р. 36 (1140–1160), 442 (1140–1160), 112 (1200–1220→), 651 (1200–1220), 707 (←1280–1300), 412 (1260–1280→).

Следовательно, основу скандирующей записи составляли не только двубуквенные склады типа CV, но и трехбуквенные типа CCV. Ясно, что в складах типа CCV были представлены только такие сочетания согласных, которые в принципе допускались в праславянском (resp. раннедревнерусском), в последнем же, как известно, имелся очень ограниченный набор допустимых консонантных сочетаний (ср. [Lunt 2001: 34]). Падение редуцированных привело к возникновению в разговорном восточнославянском новых, ранее невозможных сочетаний согласных,

³⁶ Приемы, использовавшиеся в ходе обучения чтению, лежат и в основе бытовой системы письма (со смещением *о* и *ѡ*, *е* и *ѣ*) [Живов 2017: 176]. Отсюда закономерно, что эффект скандирования характерен для грамот, написанных «по-бытовому» (исключение — грамота № 273).

³⁷ «Так во всех печатных московских букварях XVII в. (и, естественно, во всех старообрядческих букварях), а также во многих букварях XVIII в.» [Успенский 1970: 91]. Как отмечает Б. А. Успенский, «в церковном произношении Московской Руси, по крайней мере в первой половине XVII в., редуцированные ъ и ь, по всей видимости, еще произносились. Произношение их еще и сейчас сохраняется в церковном чтении старообрядцев-беспоповцев» [Ibid.], ср. [Успенский 1968: 36–39].

однако, учитывая консервативность традиции чтения по складам, есть все основания полагать, что набор заучиваемых складов остался в основном неизменным, и именно на эти склады продолжали ориентироваться авторы берестяных грамот, написанных «по-бытовому». Чтобы избежать на письме консонантных сочетаний, чуждых традиционным складам, они могли разделять их буквами *о/ѣ* или *е/ѣ* (в зависимости от твердости или мягкости предшествующего согласного). Результатом могло быть «восстанавливание» на письме исконного (раннедревнерусского) облика словоформ.

Впрочем, конечно, даже неизменное следование данному принципу не могло гарантировать полного «восстановления» раннедревнерусского состояния редуцированных в тексте. Дело в том, что результатом падения редуцированных стало не только образование новых сочетаний согласных, но и распространение старых сочетаний на новые словоформы: так, в словоформе *сто* (< *сѣто*) сочетание *ст* возникает вследствие выпадения *ѣ*, но такое же сочетание исконно в *столь*, *стояти*, *стѣна* и т. д. Следовательно, носитель позднедревнерусского произношения, хорошо усвоивший склады и использовавший скандирующую запись, мог уверенно разделять новые сочетания согласных, но, встречая «старое» сочетание (исконное или образовавшееся вследствие выпадения редуцированного), он оказывался перед выбором — оставить его или разделить. Как показывает материал грамот, пишущий мог выбрать как первое, так и второе решение³⁸. На практике, однако, «новые старые» сочетания (типа *ст* в *сто*) попадают не столь уж часто (чему, конечно, способствует краткость большинства берестяных грамот), поэтому если пишущий последовательно сохраняет «старые» сочетания и разделяет «новые», то с большой вероятностью его текст по состоянию редуцированных окажется близок к раннедревнерусской норме. Так устроена, например, грамота № 366, где сохранены все 8 исконных сочетаний согласных (*гр* (4×), *пр*, *св*, *тр*, *сл*) и допущена лишь одна «ошибка» против раннедревнерусской нормы (пропуск *ѣ* в *цто*). Иначе вышло с грамотой Ст. Р. 30: ее автор, по-видимому, следовал, тому же принципу, что и автор грамоты № 366, однако в его тексте наряду с исконными сочетаниями согласных трижды встретились «новые старые» сочетания: *два* (2×)³⁹, *сто*, в результате — три пропуска редуцированных. В этом смысле очень показательна форма *стороговале* грамоты Пск. 6, где пропущен исконный *ѣ* в «новом старом» сочетании *ст* и в то же время

³⁸ Конечно, проще всего следовать принципу разделять гласными любые консонантные сочетания. Вероятно, поэтому в некоторых грамотах (ср. № 293, 390) вставные гласные в исконных консонантных сочетаниях встречаются ближе к концу текста.

³⁹ Ср. исконные сочетания в *двѣрь*, *дворѣ*.

разделено вставным гласным сочетание *rg*, несомненно отсутствовавшее в составе традиционных складов.

Возвращаясь к приписке грамоты № 724, мы обнаруживаем, что здесь последовательно сохранены «старые» сочетания согласных и разделены «новые», единственный же пропуск исконного редуцированного оказался в «новом старом» сочетании, а именно, в *послале* (ср. исконное *сл* в *слово*, *сльдъ*, *сльпъ* и т. д.)⁴⁰.

Итак, предположение об эффекте скандирования в приписке грамоты № 724 характеризует ее как один из множества текстов, написанных в основном уже после завершения процесса падения и проявления редуцированных, но по употреблению редуцированных близких к раннедревнерусскому состоянию. Языковое устройство этих текстов поддается объяснению. Если же отказаться от этой гипотезы, то придется предположить, что грамота № 724 написана человеком, в живом произношении которого регулярное проявление сильных редуцированных и переход [e] > [o] соседствовали с сохранением слабых еров в таких формах, как *кѣназь*. Подобная ситуация не встречается более ни в одной берестяной грамоте и не находит убедительного объяснения. Также в этом случае необходимо допустить, что все сохранившиеся в грамоте слабые редуцированные (не обусловленные орфографией) совершенно случайно оказались в приписке. В связи с этим я полагаю, что наиболее простое и убедительное объяснение языкового устройства грамоты № 724 состоит в том, что основной текст, написанный в книжной орфографии, отражает произношение писавшего, а именно, состояние после падения и проявления редуцированных, и в этом смысле сходен с целым рядом книжных текстов 1-й пол. XIII в., приписка же, написанная в бытовой графике, относится к разряду текстов на бересте с эффектом скандирования.

7. Выводы

Принятая датировка грамоты № 724 (1161–1167 гг.) обусловлена ее исторической интерпретацией. Поскольку в настоящей статье предлагается иная трактовка текста, не требующая конкретной хронологической привязки событий, вопрос о датировке (как и для большинства берестяных грамот) должен решаться на основании всей суммы имеющихся данных. Это предполагает иной, чем прежде, подход к оценке датирующих языковых признаков: вопрос заключается не в том, возможно

⁴⁰ Похожая ситуация в грамоте № 651 (1200–1220): *бѣсѣ твѣ его поведе ни а · не : смею воза || ти · ни [цего] ж [е а] восли грамотоу ко мене* — редуцированные сохранены в «новых» сочетаниях (*возати, ко мене*), но опущены в «новых старых» (*не смею, восли*).

ли появление тех или иных языковых явлений в определенный период истории русского языка, а в том, для какого времени наиболее характерно каждое из этих явлений и их общее сочетание. Эта информация даст ответ на вопрос, к какому времени с наибольшей вероятностью можно отнести грамоту. Релевантные данные собраны ниже в таблице.

стратиграфическая датировка	1202–1266 гг. [Ершевский 2003: 168]
данные палеографии	1160–1200 [НБГ X: 315; НБГ XII: 268]
последовательное прояснение редуцированных	в берестяных грамотах: с 1-й пол. XIII в. (ср. гр. № 510); в книжной письменности ⁴¹ : с нач. XIII в. [Попов 2015: 64]
переход [е] > [о]	с конца XII в. [ДНД ₂ : 69]
смещение о — ъ, е — ѣ	чаще всего в XIII в. [Зализняк 2002: 581; 608]
<i>покланание</i>	большинство примеров: 1160–1220 гг. [ДНД ₂ : 37] ⁴²
последовательное падение редуцированных	начиная с 1220-х гг. [ДНД ₂ : 60]
скандирование	чаще всего в XIII в.
В. = Р. мн. (<i>мѣжь</i>)	массовые примеры — с начала XIII в. [ИГДРЯ I: 201–208]

Последние три строки зависят от лингвистической и смысловой интерпретации текста, но данные первых шести строк вполне объективны. Как можно видеть, большинство данных указывает либо на рубеж XII–XIII вв., либо на XIII в.⁴³ На более раннее время указывает только палеография грамоты. Как представляется, в сумме данные таблицы позволяют отнести грамоту к началу XIII в.

⁴¹ За исключением южнорусского Добролюва евангелия 1164 г.

⁴² В таблице, отражающей хронологическое распределение основных типов адресных формул в берестяных грамотах [ДНД₂: 37], для *покланание* приведены следующие цифры: XI в. — 50-е гг. XII в.: 8; ок. 1160–1180 гг.: 13; ок. 1180–1220 гг.: 18; ок. 1220–1300 гг.: 3. К числу примеров за 1160–1180 гг. отнесена здесь, естественно, и адресная формула грамоты № 724. С другой стороны, та же адресная формула представлена в грамоте № 952, найденной после выхода [ДНД₂] и условно датированной 1160–1180 гг. Эта же формула встретила в грамоте № 1113 конца XII в. [Гиппиус 2019: 61].

⁴³ Ср. работу [Рождественская 2015], где приведен материал, свидетельствующий о том, что формула «братия и дружина» вне ситуации прямого обращения военачальника к войску (т. е. в качестве литературного клише) начинает использоваться с рубежа XII–XIII вв. Также можно обратить внимание на окончание род. ед. -у в *отъ [в]олокѣ*.

С учетом высказанных в статье соображений (включая поправку к переводу, предложенную А. Журавель) перевод грамоты выглядит следующим образом:

‘От Саввы поклон братьям и дружине. Покинули меня люди; а надлежало им остаток дани собрать до осени, по первопутку послать и отбыть прочь. И Захарья, прислав [человека, через него] клятвенно заявил: «Не давайте Савве ни одной меховой шкурки!», так как хотел сам собирать с них [эту дань]. А со мною по этому поводу сразу вслед за тем не рассчитался и не побывал ни у вас, ни здесь. Поэтому я остался. Потом пришли смерды от Андрея, арестовали дружинников и отняли дань. И восемь [дружинников], что под началом Тудора, вырвались. Отнесите же с пониманием, братья, к нему, если там из-за этого приключится тягота ему и дружине его.

А сельчанам своим князь сам вдоль волока и Мсты⁴⁴ участки дал. Если же, братья, вины люди на мне не ищут и будет дознание, то я сейчас же охотно послал бы грамоту’.

В целом отраженная в грамоте ситуация представляется следующей. Автор грамоты Савва собирает дань в верховьях Мсты, на территории Имоволожского погоста, относящегося к княжеским домениальным землям. Когда основная часть дани уже была собрана, Савву по какой-то причине «оставили» люди, которые должны были собрать оставшуюся часть дани. После этого другой сборщик дани, Захария, потребовал от местных жителей не платить дань Савве. По утверждению Саввы, Захария сам претендовал на ее сбор. Вслед за этим Савва ожидал, что Захария приедет и рассчитается с ним. Тем временем некто Андрей (скорее всего, один из местных землевладельцев, получивших послание Захарии) приказал зависимым от него смердам отнять у Саввы собранную дань. Смерды выполнили распоряжение, арестовав дружинников Саввы и отобрав у них дань. При этом восьми дружинникам удалось «вырваться», т. е. либо не дать себя арестовать, либо бежать

⁴⁴ Относительно значения предлога *отъ* в *отъ* [в]олокѣ [и] *отъ* [м]ѣст(т)ѣ ср. в «Повести о Петре, царевиче ордынском»: *Прими, господи Петре, малое се земля наша отчины противу дома святых апостолъ от езера сего. Азъ тебѣ грамоты впишу* ‘Прими от меня, Петр, этот небольшой надел земли нашей вотчины, что напротив храма святых апостолов подле озера этого. Я тебе и грамоты напишу’; *И повелѣтъ князь пред владыкою писати грамоты множество земель от езера, воды и лѣсы, яже суть и донынѣ* ‘И велел князь при владыке написать грамоты на владение многими землями вдоль озера, и водами, и лесами, и сохранились те грамоты донынѣ’ (текст цит. по [Ленхофф (в печати)], перевод Л. А. Дмитриева [Повесть о Петре: 81]); то же понимание отражено в несколько более вольном переводе Б. А. Ларина [Русские повести XV–XVI: 271–272].

из-под ареста. Савва пишет «братии и дружине» с тем, чтобы оправдать свои действия и заступиться за бежавших дружинников, которым грозит наказание. В приписке он ссылается на князя, выдавшего «своим сельчанам» участки вдоль Мсты и волока (очевидно, соединяющего Мсту с Твердой), и выражает готовность ответить за свои действия перед судом.

Библиография

Безус 1998

Безус Н. Б., Судебные исполнители в Новгороде XI–XV вв. (по материалам берестяных грамот), *Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции)*, Новгород, 27–29 января 1998 г., Новгород, 12, 1998, 170–176.

Бирнбаум, Флайер 1995

Бирнбаум Х., Флайер М. С., ред., *Язык и стих в России. Сборник в честь Дина С. Ворты к его 65-летию* (= UCLA Slavic Studies, New Series, Vol. II), Москва, 1995, 283–290.

Варбот 2000

Варбот Ж. Ж., О славянском родстве праславянского глагола *skočiti, *Славяноведение*, 4, 2000, 22–24 [перепечатано: Варбот Ж. Ж., *Исследования по русской и славянской этимологии*, С.-Петербург, 2011, 273–276].

ГВНП

Грамоты Великого Новгорода и Пскова, под ред. С. Н. Валка, Москва, Ленинград, 1949.

Гимон, Гиппиус 1999

Гимон Т. В., Гиппиус А. А., Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи, *Новгородский исторический сборник*, 7 (17), С.-Петербург, 1999, 18–47.

Гиппиус 2015

Гиппиус А. А., Еще раз о Новгородской берестяной грамоте № 724, *Slověne = Словѣне*, 1, 4, 2015, 111–127.

— 2019

Гиппиус А. А., Берестяные грамоты из раскопок 2018 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе, *Вопросы языкознания*, 4, 2019, 47–71.

Голышенко 1963

Голышенко В. С., *Из истории русского языка XII века (палеографическое и фонетическое описание рукописи Чудовского собрания № 12 ГИМ)*, Москва, 1963.

Грінченко 1–4

Грінченко Б. Д., *Словарь украинского языка*, 1–4, Киев, 1907–1909.

ГСБМ

Гістарычны слоўнік беларускай мовы, 1–37, Мінск, 1982–2017.

ДДГ

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв., подгот. к печати Л. В. Черепнина, Москва, Ленинград, 1950.

ДНД₁

Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, Москва, 1995.

ДНД₂

Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, изд. 2-е, Москва, 2004.

Ершевский 2003

Ершевский Б. Д., Археологический комментарий к находкам берестяных грамот на Михайлоархангельском раскопе в 1990 г., *Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения*, В. Л. Янин, отв. ред., Москва, 2003, 164–169.

——— 2005

Ершевский Б. Д., Характеристика усадебной застройки на Михайлоархангельском раскопе, *Прошлое Новгорода и Новгородской земли (Материалы научной конференции 16–18 ноября 2004 г.)*, Великий Новгород, 2005, 53–57.

Ершевский, Розанова 1994

Ершевский Б. Д., Розанова Л. С., Обработка железа в Новгороде (По материалам Михайлоархангельского раскопа XII–XIV вв.), *Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции)*, Новгород, 26–28 января 1994 г., Новгород, 8, 1994, 187–194.

Живов 2006

Живов В. М., *Восточнославянское правописание XI–XIII века*, Москва, 2006.

——— 2017

Живов В. М., *История языка русской письменности*, Москва, 2017.

Зализняк 1995

Зализняк А. А., Берестяной документ XII в. о сборе югорской дани, *Язык и стих в России. Сборник в честь Дина С. Ворты к его 65-летию* (= UCLA Slavic Studies, New Series, Vol. II), Х. Бирнбаум, М. С. Флайер, ред., Москва, 1995, 283–290.

——— 2000

Зализняк А. А., Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование, В. Л. Янин, А. А. Зализняк, *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.)*, Москва, 2000, 133–429.

——— 2002

Зализняк А. А., Древнерусская графика со смещением *ъ* — *о* и *ь* — *е*, «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию, Москва, 2002, 577–612.

——— 2008

Зализняк А. А., *Древнерусские энклитики*, Москва, 2008.

Золтан 2002

Золтан А., Пути проникновения западнорусской лексики в великорусский деловой язык в XV в., *Из истории русской культуры. 2, 1: Киевская и Московская Русь*, Москва, 2002, 766–806 [первые опубликовано в 1988 г.].

ИГДРЯ I

Иорданиди С. И., Крысько В. Б., *Историческая грамматика древнерусского языка. Множественное число именного склонения*, Москва, 2000.

Ильина книга 2005

Ильина книга. *Рукопись РГАДА, Тип. 131*, лингвистическое издание, подготовка греческого текста, комментарии, словоуказатели В. Б. Крысько, Москва, 2005.

Ипат.

Полное собрание русских летописей, 2: Ипатьевская летопись, Москва, 1998.

Ищенко 1986

Ищенко Д. С., *Древнерусская рукопись XII века «Устав студийский»*, Одесса, 1986.

Князевская 1973

Князевская О. А., О судьбе редуцированных гласных *ъ*, *ь* в ростовских рукописях первой трети XIII в., *Лингвогеография, диалектология и история языка*, Кишинев, 1973, 202–208.

——— 1976

Князевская О. А., Буквы *о, е* на месте редуцированных гласных в ростовских рукописях начала XIII в., *Лингвистическая география, диалектология и история языка*, Ереван, 1976, 327–336.

Крысько 1994

Крысько В. Б., *Развитие категории одушевленности в русском языке*, Москва, 1994.

——— 1999

Крысько В. Б., Из наблюдений над языком Ильиной книги, *Вопросы языкознания*, 2, 1999, 3–15.

——— 2006

Крысько В. Б., Еще раз об *Имоволожи*, *Славянизация Русского Севера. Механизмы и хронология* (= *Slavica Helsingiensia* 27), Нуорлуото Юхани, ред., Хельсинки, 2006, 222–233.

Кузьмина 1962

Кузьмина В. Д., *Девгениево деяние (Деяние прежних времен храбрых человек)*, Москва, 1962.

Лавр.

Полное собрание русских летописей, 1: Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку, Москва, 1997.

Ленхофф (в печати)

Ленхофф Г., К истории Петра, царевича ордынского, и его ростовской вотчины, *Средневековая Русь*, 15, 2020 (в печати).

Лимонов 1987

Лимонов Ю. А., *Владими́ро-Суздальская Русь: Очерки социально-политической истории*, Ленинград, 1987.

МЛС

Полное собрание русских летописей, 25: Московский летописный свод конца XV века, Москва, 2004.

НГБ VIII

Янин В. Л., Зализняк А. А., *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.)*, 8, Москва, 1986.

НГБ IX

Янин В. Л., Зализняк А. А., *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.)*, 9, Москва, 1993.

НГБ X

Янин В. Л., Зализняк А. А., *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.)*, 10, Москва, 2000.

НГБ XII

Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А., *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.)*, 12, Москва, 2015.

Німчук 1992

Німчук В. В., *Давньоруська спадщина в лексичі української мови*, Київ, 1992.

НПЛ

Новгородская первая летопись по Синодальному списку, Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова, Москва, Ленинград, 1950 [2-е изд.: Москва, 2000].

НПЛ Ком.

Новгородская первая летопись по Комиссионному списку, Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова, Москва, Ленинград, 1950 [2-е изд.: Москва, 2000].

Орлов 1964

Орлов С. Н., К топографии Новгорода X–XV вв., *Новгород: к 1100-летию города*, Москва, 1964, 264–285.

Петрухин 2009

Петрухин П. В., К изучению новгородской берестяной грамоты № 724, *Русский язык в научном освещении*, 1 (17), 2009, 109–126.

Повесть о Петре

Повесть о Петре, царевиче ордынском, подготовка текста и комментарии Р. П. Дмитриевой, перевод Л. А. Дмитриева, *Библиотека литературы Древней Руси*, 9: *Конец XIV — первая половина XVI века*, С.-Петербург, 2000, 70–85.

Полоцк. гр.

Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в., 1, А. Л. Хорошкевич, отв. ред, С. В. Полехов, зам. отв. ред, Москва, 2015.

Пономаренко 2009

Пономаренко Т. О., *Языковые особенности жития Нифонта 1222 г.* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Казань, 2009).

Попов 2015

Попов М. Б., К вопросу о падении редуцированных гласных в древнерусском языке: хронология, фонологический механизм, отражение в памятниках, *Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки*, 157, 5, 2015, 47–67.

Посольские книги

Мустафина Д. А., Трепавлов В. В., *Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.)*, Казань, 2006.

ПСРЛ, 38

Полное собрание русских летописей, 38: *Радзивилловская летопись*, Ленинград, 1989.

Рождественская 2015

Рождественская М. В., «Братия и дружина»: о литературном контексте одного выражения в новгородской берестяной грамоте № 724, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 4 (62), 2015, 86–88.

Русские повести XV–XVI

Русские повести XV–XVI веков, Скрипиль М. О., сост., Ларин Б. А., ред., Москва, Ленинград, 1958.

Свердлов 1983

Свердлов М. Б., *Генезис и структура феодального общества в Древней Руси*, Ленинград, 1983.

СДРЯ XI–XIV вв.

Словарь древнерусского языка XI–XIV вв., 1–11–, Москва, 1988–2016–.

СлРЯ XI–XVII вв.

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–30–, Москва, 1975–2015–.

Срезн.

Срезневский И. И., *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, 1–3, С.-Петербург, 1893–1903.

СРНГ

Словарь русских народных говоров, 1–49–, С.-Петербург, 1965–2016–.

Тимберлейк 1996

Тимберлейк А., Вкусить от древа познания и убояться: вариативность в развитии винительного–родительного падежа (По поводу книги: В. Б. Крысько. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994. 224 с.), *Вопросы языкознания*, 5, 1996, 7–19.

Успенский 1968

Успенский Б. А., *Архаическая система церковнославянского произношения (Из истории литургического произношения в России)*, Москва, 1968.

——— 1970

Успенский Б. А., Старинная система чтения по складам (Глава из истории русской грамоты), *Вопросы языкознания*, 5, 1970, 80–100.

Фасмер, I–IV

Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева, Москва, 1986–1987.

Флав.

Пичхадзе А. А., Макеева И. И., Баранкова Г. С., Уткин А. А., подг. изд., *«История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод*, 1–2, Москва, 2004.

Хорошкевич 1964

Хорошкевич А. Л., Новые новгородские грамоты XIV–XV вв., *Археографический ежегодник за 1963 г.*, Москва, 1964, 264–276.

Шахматов 1915

Шахматов А. А., *Очерк древнейшего периода истории русского языка* (= Энциклопедия славянской филологии, 11, 1), Петроград, 1915.

Шулаева 1970

Шулаева Д. П., *К истории языка в XIII в. (Палеографическое и фонетическое описание рукописи ГПБ Пог. 12)*, Ленинград, 1970.

ЭСБМ

Этымалагічны слоўнік беларускай мовы, 1–13, Мінск, 1978–2010.

Янин 1981

Янин В. Л., *Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование)*, Москва, 1981.

——— 1987

Янин В. Л., Княжеский домен в Новгородской земле, *Феодализм в России. Сборник статей и воспоминаний, посвященный памяти академика Л. В. Черепнина*, В. Л. Янин, отв. ред., Москва, 1987, 119–134.

——— 1993

Янин В. Л., Новгородские берестяные грамоты Михаило-Архангельского раскопа (1990 г.), *Археологические вести*, 2, 1993, 114–121.

——— 1998a

Янин В. Л., *Я послал тебе бересту...*, изд. 3-е, Москва, 1998.

——— 1998b

Янин В. Л., *Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков*, Москва, 1998.

——— 2000

Янин В. Л., Имоволоже (из истории новгородско-княжеских отношений), *Источниковедение и краеведение в культуре России. Сборник к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту*, В. Ф. Козлов, ред., Москва, 2000, 47–50.

——— 2001

Янин В. Л., *У истоков Новгородской государственности*, Великий Новгород, 2001.

——— 2003

Янин В. Л., *Новгородские посадники*, изд. 2-е, перераб. и доп., Москва, 2003.

Янин, Зализняк 1994

Янин В. Л., Зализняк А. А., Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1990–1993 гг., *Вопросы языкознания*, 3, 1994, 3–22.

——— 1996

Янин В. Л., Зализняк А. А., Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1990–1995 гг., *Средневековая Русь*, 1, Москва, 1996, 120–153.

——— 1999

Янин В. Л., Зализняк А. А., Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1998 г., *Вопросы языкознания*, 4, 1999, 3–27.

Lunt 2001

Lunt H. G., *Old Church Slavonic Grammar*, 7th rev. ed., Berlin, New York, 2001.

Timberlake 1997

Timberlake A., Чему юси слѣпилъ бра^ѣ свои: Templates and the Development of Animacy, *Russian Linguistics*, 21, 1, 1997, 49–62.

References

Bezou N. B., Sudebnye ispolniteli v Novgorode XI–XV vv. (po materialam berestianykh gramot), *Novgorod i Novgorodskaya zemlia. Istoriia i arkheologii*, Novgorod, 27–29 ianvaria 1998 g., Novgorod, 12, 1998, 170–176.

Cherepnin L. V., ed., *Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh kniazei XIV–XVI vv.*, Moscow, Leningrad, 1950.

Dmitrieva R. P., ed., Dmitriev L. A., trans., *Povest' o Petre, tsareviche ordynskom, Biblioteka literatury Drevnei Rusi, 9: Konets XIV – pervaya polovina XVI veka*, St. Petersburg, 2000, 70–85.

Ershevsky B. D., *Arkheologicheskii kommentarii k nakhodkam berestianykh gramot na Mikhailoarkhangel'skom raskope v 1990 g.*, *Berestiane gramoty: 50 let otkrytiia i izucheniia*, Iainin V. L., ed., Moscow, 2003, 164–169.

Ershevsky B. D., *Kharakteristika usadbenoi za stroiki na Mikhailoarkhangel'skom raskope, Proshloe Novgoroda i Novgorodskoi zemli*, Veliky Novgorod, 2005, 53–57.

Ershevsky B. D., Rozanova L. S., *Obrabotka zheleza v Novgorode (Po materialam Mikhailoarkhangel'skogo raskopa XII–XIV vv.)*, *Novgorod i Novgorodskaya zemlia. Istoriia i arkheologii*, Novgorod, 26–28 ianvaria 1994 g., Novgorod, 8, 1994, 187–194.

Fasmer M., *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka*, Trubachev O. N., ed. and trans., Moscow, 1986–1987.

Gimon T. V., Gippius A. A., *Novye dannye po istorii teksta Novgorodskoi pervoi letopisi*, *Novgorodskii istoricheskii sbornik*, 7 (17), St. Petersburg, 1999, 18–47.

Gippius A. A., *Once Again on the Novgorod Birchbark Letter No. 724*, *Slověne = Slovně*, 1, 4, 2015, 111–127.

Gippius A. A., *Birchbark letters from Veliky Novgorod and Staraya Russa excavations of 2018*, *Topics in the Study of Language*, 4, 2019, 47–71.

Iordanidi S. I., Krysko V. B., *Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo iazyka. Mnozhestvennoe chislo imennogo skloneniia*, Moscow, 2000.

Khoroshkevich A. L., *Novye novgorodskie gramoty XIV–XV vv.*, *Arkheograficheskii iezhegodnik za 1963 g.*, Moscow, 1964, 264–276.

Khoroshkevich A. L., Polekhov S. V., eds., *Polotskie gramoty XIII – nachala XVI v.*, 1, Moscow, 2015.

Knyazevskaya O. A., *O sud'be reduktirovannykh glasnykh " , ' v rostovskikh rukopisiakh pervoi treti XIII v.*, *Lingvogeografiia, dialektologii i istoriia iazyka*, Kishinev, 1973, 202–208.

Knyazevskaya O. A., *Bukvy o, e na meste reduktirovannykh glasnykh v rostovskikh rukopisyakh nachala XIII v.*, *Lingvisticheskaya geografiia, dialektologii i istoriia iazyka*, Erevan, 1976, 327–336.

Krysko V. B., *Razvitie kategorii odushevlenosti v russkom iazyke*, Moscow, 1994.

Krysko V. B., *Iz nabliudenii nad iazykom Il'inoi knigi*, *Voprosy iazykoznanii*, 2, 1999, 3–15.

Krysko V. B., ed., *Il'ina kniga. Rukopis' RGADA, Tip. 131*, Moscow, 2005.

Krysko V. B., *Eshche raz ob Imovolozhi, Slavianiatsii Russkogo Severa. Mekhanizmy i khronologii (Slavica Helsingiensia 27)*, Nuorluoto J., ed., Helsinki, 2006, 222–233.

Kuzmina V. D., *Devgenievo deianie (Deianie prezhnikh vremen khrabrykh chelovek)*, Moscow, 1962.

Limonov Yu. A., *Vladimiro-Suzdal'skaia Rus': Ocherki sotsial'no-gosudarstvennoi istorii*, Leningrad, 1987.

Lunt H. G., *Old Church Slavonic Grammar*, 7th rev. ed., Berlin, New York, 2001.

Mustafina D. A., Trepavlov V. V., *Posol'skie knigi po sviaziam Rossii s Nogaikoi Ordoi (1551–1561 gg.)*, Kazan, 2006.

Nasonov A. N., ed., *Novgorodskaya pervaya letopis' po Komissionnomu spisku*, *Novgorodskaya pervaya letopis' starshogo i mladshogo izvodov*, Moscow, Leningrad, 1950.

Nasonov A. N., ed., *Novgorodskaya pervaya letopis' po Sinodal'nomu spisku*, *Novgorodskaya pervaya letopis' starshogo i mladshogo izvodov*, Moscow, Leningrad, 1950.

Nimchuk V. V., *Davniorus'ka spadshchina v lek-sitsi ukrains'koi movi*, Kyiv, 1992.

Orlov S. N., *K topografii Novgoroda X–XV vv., Novgorod: k 1100-letiiu goroda*, Moscow, 1964, 264–285.

Petrukhin P. V., *K izucheniiu novgorodskoi berestianoi gramoty* № 724, *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii (Russian Language and Linguistic Theory)*, 1 (17), 2009, 109–126.

Pichkhadze A. A., Makeeva I. I., Barankova G. S., Utkin A. A., eds., *“Istoriia Iudeiskoi voiny” Iosifa Flavii: Drevnerusskii perevod*, 1–2, Moscow, 2004.

Popov M. B., *On the Fall of Reduced Vowels in the Old Russian Language: Chronology, Phonological Mechanism, Reflection in Written Records, Proceedings of Kazan University. Humanities Series*, 157, 5, 2015, 47–67.

Rozhdestvenskaia M. V., “Bratie i Druzhina” (“Brothers and Prince’s Armed Force”): about a Literary Context of one Expression in the Novgorod Birch Bark Letter № 724, *Old Russia. The questions of Middle Ages*, 4 (62), 2015, 86–88.

Sverdlov M. B., *Genezis i struktura feodal'nogo obshchestva v Drevnei Rusi*, Leningrad, 1983.

Timberlake A., *Vkusit' ot drevna poznaniia i uboiat'sia: variativnost' v razvitii vinitel'no-roditel'nogo padezha (Po povodu knigi: V. B. Krysko. Razvitie kategorii odushevlenosti v istorii russkogo iazyka. M., 1994. 224 s.)*, *Voprosy iazykoznaniia*, 5, 1996, 7–19.

Timberlake A., *Templates and the Development of Animacy, Russian Linguistics*, 21, 1, 1997, 49–62.

Uspenskij B. A., *Arkhaicheskaia sistema tserkovnoslavianskogo proiznosheniia*, Moscow, 1968.

Uspenskij B. A., *Starinnaia sistema chteniia po skladam, Voprosy Jazykoznaniia*, 5, 1970, 80–100.

Valk S. N., ed., *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova*, Moscow, Leningrad, 1949.

Varbot G. G., *The Slavonic Relatives of the original Slavonic Verb *skočiti, Slavianovedenie*, 4, 2000, 22–24.

Yanin V. L., *Novgorodskaa feodal'naia votchina (Istoriko-genealogicheskoe issledovanie)*, Moscow, 1981.

Yanin V. L., *Kniazheskii domen v Novgorodskoi zemle, Feodalizm v Rossii. Sbornik statei i vospominanii, posviashchennii pamiati akademika L. V. Cherepnina*, Yanin V. L., ed., Moscow, 1987, 119–134.

Yanin V. L., *Novgorodskie berestiane gramoty Mikhailo-Arkhangelskogo raskopa (1990 g.)*, *Arheologicheskie vesti*, 2, 1993, 114–121.

Yanin V. L., *Ia poslal tebe berestu...*, 3rd ed., Moscow, 1998.

Yanin V. L., *Novgorod i Litva: pogranichnye situatsii XIII–XV vekov*, Moscow, 1998.

Yanin V. L., *Imovolozhe (iz istorii novgorodskokniazheskikh otnoshenii), Istochnikovedenie i kraevedenie v kul'ture Rossii. Sbornik k 50-letiiu sluzheniia*

Sigurda Ottovicha Shmidta Istoriko-arkhivnomu institutu, Kozlov V. F., ed., Moscow, 2000, 47–50.

Yanin V. L., *U istokov Novgorodskoi gosudarstvennosti*, Veliky Novgorod, 2001.

Yanin V. L., *Novgorodskie posadniki*, 2nd ed., Moscow, 2003.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.)*, 8, Moscow, 1986.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1984–1989 gg.)*, 9, Moscow, 1993.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., *Berestiane gramoty iz novgorodskikh raskopok 1990–1993 gg., Voprosy iazykoznaniia*, 3, 1994, 3–22.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., *Berestiane gramoty iz novgorodskikh raskopok 1990–1995 gg., Srednevekovaia Rus'*, 1, Moscow, 1996, 120–153.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., *Berestiane gramoty iz novgorodskikh raskopok 1998 g., Voprosy iazykoznaniia*, 4, 1999, 3–27.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1990–1996 gg.)*, 10, Moscow, 2000.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.)*, 12, Moscow, 2015.

Zaliznyak A. A., *Berestiane dokument XII v. o sbore iugorskoj dani, Yazyk i stikh v Rossii. Sbornik v chest' Dina S. Vorta k ego 65-letiiu*, Birnbaum H., Flyer M. S., eds., Moscow, 1995, 283–290.

Zaliznyak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, Moscow, 1995.

Zaliznyak A. A., *Paleografiia berestianykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie*, V. L. Ianin, A. A. Zalizniak, *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1990–1996 gg.)*, Moscow, 2000, 133–429.

Zaliznyak A. A., *Drevnerusskaia grafika so smesheniem " — o и ' — e, “Russkoe imennoe slovoizmenenie” s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu iazyku i obshchemu iazykoznaniu*, Moscow, 2002, 577–612.

Zaliznyak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, 2nd ed., Moscow, 2004.

Zaliznyak A. A., *Drevnerusskie enklitiki*, Moscow, 2008.

Zhivov V. M., *Vostochnoslavianskoe pravopisanie XI–XIII veka*, Moscow, 2006.

Zhivov V. M., *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti*, Moscow, 2017.

Zoltan A., *Puti proniknoveniia zapadnorusskoi leksiki v velikorusskii delovoi iazyk v XV v., Iz istorii russkoi kul'tury*, 2, 1: *Kievskaa i Moskovskaa Rus'*, Moscow, 2002, 766–806.

Павел Владимирович Петрухин,

кандидат филологических наук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

119019 Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Россия/Russia

ppetrukhin@gmail.com

Received October 25, 2018